

МАССОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ¹

Л.Д. Гудков

*доктор философских наук, профессор,
директор Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центр)*

Часть 1. Партикуляризм и вытеснения прошлого

Результаты последней волны исследований по программе «Советский человек», прошедшей в августе этого года [2003 г. - ЛГ], не содержали каких-либо неожиданностей. Можно говорить лишь о разворачивании, проявлении тех тенденций и закономерностей организации массового сознания (общественного мнения), которые были ранее установлены и описаны в исследованиях ВЦИОМ².

Усиление партикуляризма в структуре массовой идентичности. Хотя общая композиция этнонациональной идентичности россиян сохраняется в принципе той же самой, но соотношение элементов и разных планов несколько меняется под воздействием факторов деполитизации и ослабления идентификации с государственной властью, расширением серой зоны существования (негосударственной экономики, приватности и неподконтрольности власти).

Таблица 1

Что в первую очередь связывается у вас с мыслью о вашем народе?

(в % к числу опрошенных, ранжировано по 2003 году)

	1989	1994	1999	2003
Наше прошлое, наша история	26	37	48	48*
Место, где я родился и вырос	38	41	35	43
Земля, территория, на которой мы живем	12	25	26	32
Родная природа	15	18	18	23
Государство, в котором я живу	27	18	19	22
Язык моего народа	22	19	17	19

¹ Впервые опубликовано: Вестник общественного мнения, 2003, №1 (67), с.28-44; №2 (68), с.35-51

² С 2003 г. - «Аналитический центр Юрия Левады»

Наши песни, обычаи, праздники	14	17	19	16
Душевные качества моего народа	14	16	19	15
Великие люди моего народа	8	10	14	14
Наша вера, религия	3	8	7	9
Наша военная мощь	2	5	7	8
Наше трудолюбие, умение хозяйствовать	5	6	10	7
Родные могилы, памятники	6	9	7	7
Знамя, герб, гимн	5	2	3	4

* жирным шрифтом здесь и ниже в таблицах выделяются значимые изменения

Как видим, самые важные моменты этногосударственной идентификации у россиян остались теми же – история, территория, место рождения, природа, родной язык и государство. Ни один из них не содержит универсалистских определений в понимании значений “мы”: здесь нет отождествлений со всеобщепризнанными знаками или символами позитивных достижений, достоинства, самоуважения, обеспеченности, уверенности в будущем, благополучия (кроме “наше трудолюбие, умение хозяйствовать”, которое названо очень незначительным числом респондентов, практически не меняющимся на протяжении многих лет).

Доминируют в этнических самохарактеристиках, если не считать “прошлого”, либо локальная идентификация по месту рождения и социализации, либо – локальное, ограниченное и замкнутое, освоенное пространство существования, своя территория (“удел”, “доля”, “судьба” - архаическая основа трибалистской, племенной солидарности), то есть признаки, которые в социологии называются “аскриптивными”, достигающимися индивиду с момента рождения, как пол или этническое и семейное происхождение. Несколько отличается от этого мощное чувство массового удовлетворения при мысли об обширности пространства, занимаемой страной. За этим последним привычно подразумеваются неведомые богатства, предмет “вожделения” других стран, что, соответственно, повышает в собственных глазах россиян ценность “нас” как коллективной целостности. Громадность территории, представимая только в виде геополитических размерностей (взгляд на страну на карте мира), а никак не связана со структурой актуальных интересов индивидуального существования, выживания, достижения благополучия и т.п. – эти представления вне плана прагматических соображений и действий, они соотносятся лишь с воображаемым театром персон или сил высшей власти, представляющих свою страну в ряду других государств – в первую очередь враждебно настроенных к России, или дружеских, союзнических.

В сравнении с предшествующим замером 1999 года существенно, то есть больше величины статистически допустимых стандартных отклонений, увеличился удельный вес таких вариантов ответа, как “место рождения” (+8 пп.), “родная природа”, “наша земля” (+ 5-6 пп.) и незначительно уменьшился

вариант “душевные качества моего народа” (- 4 пп.). Если же брать весь период исследований (1989-2003 гг.), то картина усиления партикуляристских значений в самоидентификации приобретет выразительную яркость и контрастность.

На краях устойчивого основного массива мнений выделяются некоторые подвижки у численно небольших групп респондентов, характеризующиеся различием взглядов: уменьшилась показная идентификация с государством - с 27 до 22%; выросли на 6 пп. “великие люди моего народа” - с 8 до 14%; а также, в том же объеме - наши “вера, религия” и “военная мощь” (на 6 пп.).³ Незначительность объемов групп, декларирующих свою приверженность подобным символическим комплексам, свидетельствует о том, что речь в данном случае идет не об альтернативных вариантах и самохарактеристиках, а только о нюансировках общего набора важнейших представлений, дополнительных семантических красках, акцентируемых, как правило, более образованными и “продвинутыми” опрошенными, подчеркивающими необходимость своего, особого, отношения к банальностям общепринятых значений коллективного.

Тем самым в массовом сознании связываются самые дальние уровни представлений: непосредственно знакомый, локальный, и дальний, отвлеченный, школьно-идеологический или масскоммуникативный, что позволяет перенос на символический уровень отношений и представлений, предписываемых в полутрадиционных средах – семейно-родственных, соседских, аффективных, “гемайншафтных”, не подлежащих рационализации и рефлексии. Формы ценностной тавтологии, рождающей теплое чувство близости самому себе (“родная природа”, родина, детство), лишь закрепляют подобные связи разнородных значений. Подчеркнем: все названное представляет собой чисто партикуляристские символы коллективного множества или – в меньшей степени – указания на средства ритуальной организованности целого (праздники, песни, обычаи, могилы, памятники и т.п. знаки).⁴ Здесь нет и намек на возможности новых ценностей или возникновение отношений (что-то вроде “нового человека”, “новой Европы” или хотя бы “Нового курса”, “фронттира” и т.п.).

Посмотрим, из чего состоят апелляции к истории или в чем заключается роль прошлого. Здесь точно также очень мало значимых изменений, если сопоставлять их с данными предыдущих замеров. Дефицит позитивных ценностей и достижений, свидетельств принципиальных изменений к лучшему⁵, бо-

³ Впрочем, разотождествление с государством не обязательно может означать «либерализацию» сознания и большую склонность к «демократии». Это может быть и усилением критической дистанции по отношению к *этому* государству, ностальгией по советскому порядку.

⁴ Ситуация, отраженная в старом анекдоте еще брежневских времен: на вопрос иностранцу (японцу!), что ему больше всего понравилось в нашей стране, следовал ответ: все естественное, природное, органичное - просторы, реки, дети, короче, все, что не сделано вашими руками.

⁵ Прежде всего имеется в виду отсутствие ощутимых перемен к лучшему в оценках материального положения дел в семье, поскольку именно изменения в этой области социальной жизни означали бы и для специалистов, и для обывателя реальную и коренную трансформацию функционирования основных социальных институтов. Рост частного благосостояния – это не увеличение подачи госбюджета на социальную сферу, а опосредованное выражение успешности реформ, их мера. Пока же эти показатели, при всех своих колебаниях, еще не

лее того – отсутствие каких-либо институциональных гарантий прогресса в сфере экономики оборачивается переносом позитивных значений коллективного целого («Россия») на фиктивное прошлое, идеализацией его по тем же самым схемам, что были разработаны и отчасти приняты массовым сознанием в советское время. Другими словами, как об этом уже не раз писалось в публикациях ВЦИОМ, прошлое наполнено и структурировано ключевыми моментами легенды великодержавной власти и ее культуры. И география, и история в массовом сознании наполнена образами государственной власти.

Таблица 2

Что в истории нашей страны вызывает у вас гордость? А что – стыд?

Раздел I.1 Гордость...	1999	2003
Победа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.	86	87
Ведущая роль в освоении космоса	60	59
Достижения российской науки	52	51
Великая русская литература	46	48
Моральные качества русского человека - простота, терпение, стойкость	45	44
Борьба с татаро-монгольским игом, защита Европы от нашествия с Востока	22	35
Великие русские путешественники	33	33
Слава русского оружия	35	33
Превращение страны после революции в одну из ведущих промышленных держав в мире	42	32
Подвижничество русских святых	10	14
Дух русской вольницы, свободолюбие	12	14
Авторитет русской интеллигенции	12	11
Передовой строй, советское бесклассовое общество	14	13
Перестройка, начало рыночных реформ	2	8
Ничего не вызывает	2	2

(в % к числу опрошенных, ранжировано по 2003 году)

Итак, основания для национальной гордости (табл.2) заданы победой в ВОВ и другими немногими атрибутами СССР как великой державы (прежде всего, конечно, космосом и «наукой» – гражданскими синонимами ВПК), великой литературой (состав которой, впрочем, в массовом понимании не выходит за рамки списка писателей XIX века, вошедшими в школьную программу)⁶, а

восстановили уровень начала 90-х годов. Другими словами, события последних десяти лет не затрагивали реальный институциональный базис общества. Можно сказать, что так или иначе государство не намерено ничего менять в принципах социальной политики.

⁶ Собственно именно на такое, максимально допустимое, ценностное снижение социальных и моральных представлений и ориентируются те, кто занят сегодня идеологическим и пропагандистским обеспечением массовой поддержки власти. Задача российских политехнологов сводится к систематической тривиализации, определе-

также – эмблематическими достоинствами «национального характера» русских, сводящимися к комплексу позитивных оценок пассивности, подчинения, зависимости, покорности, ставшими суррогатом национальной «морали». Важное место занимает также и героика времен русской колонизации и расширения границ имперского государства – исторические рассказы о деяниях русских путешественников и первопроходцев (от Ермака или С.Дежнева до В.Беринга, Ф.Крузенштерна, П.Семенова-Тяньшанского или Н.Миклухо-Маклая) или еще более старый национальный миф о России как щите против монгольских орд и татарских набегов (родившийся в первой трети 19 века и кочующий по всем странам Восточной и Центральной Европы) и т.п.

Тем самым сочетаются два плана сознания: поданной в героическом ключе истории державной власти и расширения империи, государства, создающего и механически – принудительно – удерживающего все общественное целое (собственно это и ставится символом коллективной идентичности), с одной стороны, и совокупности партикуляристских средств и ценностей пассивного сопротивления репрессивной власти, выжимающей из населения «излишки» средств существования, вымогающей восторг и уважение.

Отметим также, снижение значимости идеологии собственно советской модернизации (почти на четверть – с 42 до 32 %), а также еще две не слишком заметные подвижки: неожиданный рост позитивных значений недавних событий – перестройки и гайдаровских реформ (впрочем, в очень маленьких группах – с 2 до 8%) и более понятное и ожидаемое усиление искусственного традиционализма, подчеркивание русской «духовности», соборности, роли русских святых (с 10 до 14%). Все они, несмотря на явное различие позиций опрашиваемых, указывают общую направленность – эрозию советских государственных взглядов.

Перенос в прошлое позитивных значений национального, тех достижений, которые выступают в качестве символов величия державы (государственного народа), означают зияющую пустоту значений актуального и современного. Зоны позитивных самоопределений кончаются вместе с эпохой холодной войны (то есть представляют собой вытеснение множества негативных характеристик настоящего положения дел в стране, которые вышли на первый план в

нию того ценностного и смыслового минимума, которые только и допускают популизм и демагогия высшей власти, когда она утрачивает собственно политические цели. Ср. характерный пример нынешнего новояза при характеристике «русского народа»: «...в обычном понимании русского народа: Пушкин плюс Вооруженные силы». – РусUSский журнал. Война и учеба. М., Русский институт, 2003, с.41. Если отвлечься от внешней эффективности этой хлесткой фразы, то суть сказанного сводится к подмалевке старой имперской идеологии нации. Учтем, однако, что это говорится в начале XXI-го, а не XIX века. Ср., например, то как К.Бергхан, характеризуя самодовольство немецкого бюргера, после франко-прусской войны, писал об этих временах: «Немецкий император на троне, немецкие классики в шкафу» - Berghahn K.L. Von Weimar nach Versaille: Zur Entstehung der Klassik-Legende im 19. Jahrhundert. – In: Die Klassik Legende. Frankfurt a.M., 1971. S. 72. Подробнее об этом : Б.В.Дубин, Н.А.Зоркая. Идея «классики» и ее социальные функции // Проблемы социологии литературы за рубежом. М., ИНИОН АН СССР, 1983, с.40-82.

конце 1980-х годов, когда мы только начинали свои исследования общественного мнения), а открываются периодом формирования идеологии национальной культуры, пусть даже в ее имперском варианте и версии. Напротив, сфера современного, нынешнего, содержит наиболее фрустрирующие моменты противоречивого национального самовосприятия (табл.3).

Таблица 3

А что вызывает у вас стыд в истории нашей страны?

Раздел I.2 Стыд...	1999	2003
Великий народ, а живем в бедности и вечной неустраивенности	79	78
Грубость нравов, хамство, неуважение друг к другу	45	52
Разрушение СССР	48	41
Репрессии, террор, выселение народов в 20-50 годы	34	39
Наша косность, лень, инертность	24	34
Хроническое отставание от Запада	31	32
Дух рабство, наследие крепостничества, привычка к подневольному труду	17	23
Ограниченная, некомпетентная, корыстная власть	34	20
Гонения на православную церковь, преследование верующих других конфессий	21	18
Военные поражения России	16	16
Стремление навязать силой другим странам свой строй	15	9
Национальное высокомерие, шовинизм, антисемитизм, ксенофобия	7	5

(в % к числу опрошенных, ранжировано по 2003 году)

То, что вызывает у россиян чувство стыда и комплекс национальной неполноценности, то, что они могут лишь назвать, но не объяснить себе, что вызывает внутреннее стремление к самооправданию перед неопределенным, но значимым воображаемым «Чужим» (а именно такова конструкция «нечистой национальной совести», состав комплекса ущемленности и неполноценности) представляет собой оборотные стороны тех значений, которые служат основанием национальной гордости: торжество авторитарной государственной власти, внешне ничем не ограниченной в своих проявлениях, наводящей «порядок», внушающей страх и трепет у своих и чужих. Общественное мнение смутно ощущает взаимосвязь между административным произволом (плохо понимаемой политикой властей или ее несоответствию массовым ожиданиям) и диффузной агрессивностью в быту, в повседневной жизни, с грубостью человеческих отношений, столь же обычной как у начальства разного рода, так и у подчиненных, некультивированностью нравов и образа жизни. Бедность (в

смысле - дикость), присущая казарменной или фабрично-слободской жизни, коммунальной непритязательности быта, сегодня воспроизводится в стертой форме: в виде ограниченности запросов, позитивной ценности терпения по отношению к репрессивной среде, в которой существует человек. Связь между этими значениями не рационализована и даже непроблематизирована в общественном мнении, хотя в чисто риторическом виде подобные формулы («рабский народ, все готов снести», «страна рабов, страна господ», «холопская страна, сверху донизу - одни рабы» и т.п.) давно, еще в девятнадцатом веке, стали ходульными выражениями, общеизвестными ярлыками национальных свойств, но всерьез не принятыми, не проработанными массовым сознанием, отторгаемыми им.

Первоначальные переживания, вызванные крахом и распадом СССР, сегодня заметно становятся слабее (-7 пп.), точно также как и патерналистская зависимость от власти, переживания по поводу ее характера, ее «испорченности», «эгоизма» и коррумпированности, и вместе с тем – невозможности освободиться от нее, перестать видеть в ней всемогущую инстанцию, ответственную за все, а потому считающуюся причиной всех нынешних бед (обличения, негативные установки по отношению к власти снизились на 14 пп., то есть почти на треть: с 34 до 20%). За эти же четыре года на 5-10 пп. выросла доля негативных оценок моральных составляющих «нашего народа» – чаще стали называться «лень, косность», «дух рабства», традиции крепостничества, грубость нравов и т.п.

Подобный критицизм людей по отношению к самим себе как «народу», лишенный какого бы то ни было потенциала активности, действия, внутренней работы (напротив, эти качества берутся как природные, безличные и асоциальные, тотально приписываемые респондентами «нам всем») представляет собой разновидность социального и культурного мазохизма (или садомазохизма) и, сегодня, благодаря многолетним наблюдениям, это видно со всей отчетливостью, оказывается совершенно непродуктивным. (Понимая под «продуктивностью» потенции интеллектуальной и моральной рационализации постсоветского общества и человека, саморефлексию человека в обществе, так как это было, например, в послевоенной Германии). Функциональное значение этого пассивного самопоношения (как и у настоящего мазохиста-невротика) заключается в обеспечении своеобразного баланса самооценок и целостности самоидентификации, обеспечиваемой сменой, игрой значимых точек зрения на коллективное целое (с которым отождествляется массовый человек). Как бы ни множились эти возможные точки зрения (самооценки в перспективе воображаемого и значимого Другого), типологически они сводятся к нескольким фокусам или перспективам идентификации: взгляд на все целое (на себя как часть целого) с «высшей» точки зрения, которая воплощает в себе позицию власти, руководства, взгляд со стороны, с точки зрения западных стран, где жизнь абсолютного большинства граждан вполне благополучна, спокойна, безопасна,

защищена традицией и законом от произвола властей (так, разумеется, в понимании российского обывателя); и, наконец, никогда не артикулируемая, но всегда реально присутствующая в социальных взаимодействиях перспектива оценок происходящего «снизу», исходя из интересов отдельного, изолированного и повседневного человека. Тем самым, всегда сохраняется возможность (но только, когда разговор идет в общем и целом, то есть имеющий отношение к предельным для массового сознания уровням общности) обвинить в своих бедах и неустроенности жизни «их» - «власти», «правительство», прежнего «президента» и т.п., сводя необъяснимые причины конфликтной ситуации к персонифицированной злой воли первых лиц в государстве.⁷ (Все же, что относится к конкретной области собственных забот и интересов частного человека, представляет собой рассыпанную мозаику частных оценок и реакций, принципиально не подлежащих систематизации или упорядочению).

Более сложная, амбивалентная фигура или композиция «Запада» как элемент системы национальной идентификации в силу полноты значений недостижимых для России ценностей может иметь как позитивные значения (и тогда быть той точкой, с которой, если она соединяются со значениями частной жизни, то что отсутствует «у нас», только и возможна критическая оценка действий властей), либо негативные, когда Запад в соответствии с риторикой закрытого общества, советского времени, расценивается как угроза России, враг, стремящийся либо уничтожить ее, либо прибрать к рукам ее богатства. Вполне возможно, что в эти сказки массовый человек слабо верит (как и вообще исходящей от официальных инстанций безальтернативной информации), но охотно пользуется этими конструкциями для самооправдания и обеспечения определенного равновесия представлений о реальности, снятия травмирующих собственные самооценки обстоятельств «почему у них все хорошо, а у нас так плохо». В данном случае для нас важно лишь подчеркнуть медиаторную роль представлений о «Западе», согласующих некоторые идеологические связи между отношением к властям и представлением о национальном целом, о себе как «обществе-государстве». На уровне повседневности, частных проблем существования людей, поведения, взаимодействия со своими обычными партнерами (домашними, друзьями, начальством, товарищами по работе и проч.) представления такого рода не спускаются, ибо там они получают совершенно другую тональность оценки: появляется возможность судить о них не с позиций «всеобщего блага», а исключительно с точки зрения позитивно-

⁷ Ср. массовое объяснение причин развала СССР в 1991 году или конфронтации между ВС РСФСР и президентом Ельциным в октябре 1993 г. эгоизмом и мелкими интригами высших действующих лиц (Горбачева, Ельцина, Руцкого, Хасбулатова и проч.). Такие же трудности возникают перед массовым сознанием при объяснении причин чеченской войны или ее затягивания. Если в первые недели виновником происходящего считался прежде всего Дудаев, а почти сразу же, буквально через два месяца, затем – Ельцин и российские генералы, то спустя несколько лет объяснение приобрело туманную форму «тем, кому это выгодно», «кто наживается на этой войне». Партикуляристское сознание не может выйти из круга частных, персонифицированных связей и объяснений – нет обобщенных образцов или моделей действия и его объяснения, нет других оснований для понимания социальной солидарности, взаимных интересов, учета различных сил и использования ресурсов многих людей и сторон.

потребительских характеристик, уничтожающих идеологические значения. В данном случае общество (население поданных) не выглядит как жертва оккупационной жестокой власти, и человек и власть в этом плане лишь проекции, разворот одного социального состояния и организации одного типа, одного типа человека и производного от него или коррелятивного с ним социально-государственного режима.

Единственной легитимной инстанцией, ответственной за самосохранение и благополучие целого (так называемые «интересы государства», «интересы общества», «национальные интересы»), считается высшая власть, действия которой оцениваются всегда двойственно и противоречиво, поскольку оценки власти в по-прежнему закрытом и авторитарном по стилю государственного управления обществе могут исходить только из двух разных оснований: символического представительства целого и прагматических суждений об эффективности и целесообразности соответствующих политических действий руководства. Поэтому общественное мнение стремится расщепить представление о руководстве, наделяя подчиненных исполнителей негативными качествами и мотивами, для того, чтобы сохранить за высшим уровнем полноту достоинств целого, изолировав «царя» от ответственности за состояние дел.

Совмещение в одном лице двух ценностных планов делает пирамиду власти в ее высшем звене крайне неустойчивой, что грозит носителям утратой легитимности и отказом от массовой поддержки и признания. Поэтому огромные усилия аппарата (администрации нынешнего президента) направлены на то, чтобы изолировать эти уровни представлений о власти, не дать возможности пробоя, установлению связей между соответствующими инстанциями. Сегодняшняя цензура, лишенная идеологической определенности, и ведомства государственного надзора, контроля над СМИ разного уровня не столько ищут какую-либо содержательную, конкретную крамолу в соответствующих каналах или средствах коммуникации, сколько блокируют саму возможность рационализации происходящего, обсуждения своих действий, появления нежелательных комментариев и высказывания точек зрения на происходящее. Имеет место не запрещение информации о нежелательных фактах, событиях, обстоятельствах поведения той или иной персоны, а нейтрализация соответствующего контекста, анализа, интерпретации, стерилизация целого канала или популярной газеты. То же самое можно сказать и о действиях ФСБ или прокуратуры, возбуждающих дела, чья судебная перспектива с юридической точки зрения крайне сомнительна. Но в данных условиях вполне достаточно «открыть дело», изолировав его фигурантов от среды и возможностей действия.

Другими словами, схематически «гордость» и «стыд» (как разные плоскости смысловых конфигураций национальной идентичности) представляют разные системы социальной и культурной репродукции. Они и воспроизводятся разными социальными институтами: официальный корпус значений «гордости» задан прежде всего соответствующими формальными институтами,

функциональными ведомствами, в том числе - образования и пропаганды; неофициальный («стыд») - повседневными рутинными отношениями, неформальными структурами), предполагают разные механизмы передачи, и, соответственно, играют разные функциональные роли. Их соотношение поэтому так и важно для понимания состояния общественного мнения, поскольку те или иные подвижки в диспозиции указывают на возможности или невозможность групповой дифференциации, связи их с групповыми интересами и степенью их артикуляции.

Еще один момент, заслуживающий здесь комментария, связан с взаимобратной зависимостью значений обобщенного «мы» (в негативной проекции), отставания от Запада и неожиданной актуализации памяти о массовых репрессиях, о ГУлаге, крайне редко всплывающей в массовом сознании, ибо сегодня среди образованной публичной элиты нет тех сил, которые заставляют, принуждают общество думать над прошлым как причиной нынешнего неблагополучия. Особенности социально-государственной системы советского типа остались непроблематизированными и абсолютно непонятыми массовым сознанием, а стало быть - у ни массы, ни у элиты нет выбора, нет других ориентиров, с которыми они могло соотноситься в своих политических определениях. В этом плане массы и элита сливаются, хотя по знаку оценки или отношения ко всему, что связано с органами безопасности, ГУЛАГом, репрессиями, есть некоторые расхождения.

Таблица 4

Раздел I.3 Какие мысли возникают у вас, когда вы слышите о КГБ?

(июль 2000 г., декабрь 2007⁸; N=1600; в % к числу опрошенных, опрошенные могли дать несколько вариантов)

Позитивные ассоциации	2000	2007	Негативные ассоциации	2000	2007
Защита интересов государства, охраны государственных тайн	22	30	Массовые репрессии, 1937 год	22	16
Профессионалы, умные люди, дураков там не держат	12	15	Служка за людьми, доносы, доносчики	19	15
Таинственная, секретная организация	11	16	Чистки, расстрелы в годы гражданской войны	10	10
Борьба с коррупцией в брежневские и андро-	8	9	Преследования инакомыслящих, диссиден-	9	10

⁸ Я позволил себе добавить в таблицу 4 данные опросов 2007 года. Они не меняют принципиального характера распределения мнения, но указывают на некоторый рост позитивного отношения к чекистам и КГБ, отражающего интересы ведомства, обеспечивающего кадрами нынешний госаппарат. См. также «Общественное мнение. 2007» Ежегодник Левада-центра. М., 2007, с.85-91.

повские годы			тов		
Честные порядочные люди	7	5	Провокации, теракты	3	3
Другие положительные высказывания	5	3	Другие отрицательные высказывания	8	8
Другие нейтральные высказывания	2	5			
Затрудились с ответом	17	13			

Контекст, в котором упоминают респонденты отдельных лиц - Держинского, Ягоду, Ежова и другие руководители ЧК-НКВД-КГБ-ФСБ, определить довольно трудно, хотя можно предположить, что Держинского вспоминают скорее в позитивном ключе и заметно чаще (удельный вес таких упоминаний вырос с 4 до 8% в 2007 году), чего нельзя сказать о двух последних фигурах, названных 1-2% и 3%, соответственно. Чуть уменьшилось за 7 лет и количество затруднившихся с ответом (с 17 до 13%), что говорит об усилении внимания к этой теме в путинских СМИ.

Как видим, сравнительно небольшие и примерно равные массивы опрошенных обладают определенным мнением или отношением к органам госбезопасности (каждая из которых не превышает трети взрослого населения страны). Первая группа (позитивно оценивающих чекистские органы) является хранителем советских представлений (среди них больше людей пожилых и малообразованных, но есть небольшая и выраженная группа левой молодежи). Вторая – это люди среднего возраста и более образованные. Более трети опрошенных дают смутные и неопределенные по знаку оценки либо вообще затрудняются с ответом или не имеют каких-либо мнений на этот счет. Такая структура распределений мнений, как это следует из опыта социологических опросов во ВЦИОМе, свидетельствует об отсутствии в обществе выраженных сил и определенных позиций, следов интеллектуальной и моральной работы над прошлым. Характерно поэтому, что всякого рода указания на то, что В.Путин работал в КГБ и, стало быть, на нем должна лежать печать личной ответственности за преступления, совершенные руками этого ведомства (от которого он никогда не отрекся и не дистанцировался), никак не волнует подавляющее большинство россиян, остающихся в целом совершенно равнодушными к этим вопросам.

В еще большей степени положительное советское отношение к “органам” переносится в двадцатые годы (декабрь 1997, “Экспресс”), когда, по мнению, опрошенных, речь еще не шла о массовых репрессиях и преступлениях чекистов сталинского времени. На вопрос: “Знаете ли вы, чем занималась ВЧК?”, ответы распределились следующим образом – “Борьбой с преступностью - бандитизмом, спекуляцией, воровством” (42%); “Борьбой с противниками Советской власти, контрреволюцией и саботажем” (40%); “Политическим террором; репрессиями против инакомыслящих” (22%); “Решением проблемы бес-

призорников, бездомных детей” (13%, явные следы фильмов и книг о добром и пламенном аскете Ф.Дзержинском); это – “политическая полиция, тайная полиция советских времен” (12%); “Контрразведкой” (9% - опять таки следы рецепции советских сериалов о чекистах); “разведкой” (8%); “Восстановлением народного хозяйства после революции и гражданской войны” (5%). Суммируя “негативные” высказывания о ВЧК, мы получаем те же доли населения - 20-30%, что и в таблице 4.

Массовые репрессии, годы сталинского террора мало кто в России расценивает в качестве событий, определивших судьбу страны в XX веке. Приведем некоторые примеры подобного рода в опросах ВЦИОМ.

В ноябре 1989 г. («Новый год») на вопрос о *самых важных событиях, определивших судьбу страны в XX веке* (СССР, России), мы получили следующий перечень: Победа в Великой отечественной войне (1941-1945 гг.) – 69%, Октябрьская революция 1917 года – 58%, Смерть Ленина (42%), Чернобыль (41%), полет в космос первого (советского!) космонавта Ю.Гагарина – 31%, сталинские репрессии 30-50-х годов (29%), начало перестройки (26%) и т.д. Это было сочетание советских символов брежневского «застоя» и новых времен, связанных еще с надеждами на реформирование социализма и критикой сталинизма. В дальнейшем, хотя общий порядок символических событий оставался примерно тем же, значимость символов социализма, равно как и важность дискуссий о массовых репрессиях, год за годом падала, вытеснялась из общественного сознания. Через 5 лет, в 1994 г. о терроре и репрессиях, ГУЛАГе в этом контексте упоминали всего 18% опрошенных, а в 1998 г. – лишь 1-2%

1994 год («Советский человек», вторая волна). Главные события в истории нашей страны: победа в войне - 73%; Октябрьская революция 1917 г. – 49%; распад СССР – 40%; Чернобыль – 34%; полет Гагарина – 32%; война в Афганистане – 24%; Первая мировая война – 19%; репрессии 30-х годов – 18% (в первой волне «Советского человека» этот вариант ответа в списке был назван 31% и занимал 6-й ранг по частоте упоминаний); начало перестройки – 16%; коллективизация – 8%, конфронтация ВС и Президента в октябре 1993 г. и путч ГКЧП в 1991 г. – по 7%; реформы Гайдара – 6%, падение берлинской стены, крах соцлагеря – 6%; 14. XX съезд КПСС – 5%.

Июль 1998 (N=1600): «Что бы вы назвали *самым трагическим событием XX века?*» – Вторая мировая война – 35%, война в Чечне – 13%; Чернобыль – 9%; война в Афганистане – 5%, развал СССР и октябрьская революция – 3%, экономические проблемы России – 1%, путч 1991 г. – 1%, перестройка, падение коммунизма – 1%, атомная бомбардировка Японии – 2%, гибель «Титаника» – 1%, распространение СПИДа – 1% сталинские репрессии – 0.5%

Январь 1999 г. (N=1600). *Главные события в истории 20-го столетия:* Великая Отечественная война (36%), Октябрьская революция 1917 г. – 19%; горбачевская перестройка – 14%; первый полет Ю.Гагарина – 8%; ельцинские

реформы – 7%, Чернобыль – 6%, сталинские репрессии – 2%, Первая мировая война – 2%, хрущевская оттепель – 1%.

Август 2003 (N=2000, “Советский человек”, четвертая волна). Самые значительные события XX века в нашей стране: Великая Отечественная война (78%), полет Гагарина (50%), распада СССР (42%), Октябрь 1917 г. (40%), Чернобыльская катастрофа (35%), война в Чечне (31%), война в Афганистане (23%), перестройка (21%), репрессии 30-х годов (17%), Первая мировая война (14%), смерть Сталина (13%), избрание президентом Путина (11%), августовский кризис 1998 г. (8%), путч 1991 г. (7%), коллективизация (6%), события октября 1993 г. (4%), реформы Гайдара (4%), XX съезд КПСС (3%), создание соцлагеря в Восточной Европе (3%), падение Берлинской стены, крах соцлагеря (3%), первые многопартийные выборы в декабре 1993 г. (1%).

Внимание к проблеме террора исчезло вместе с ослаблением острой (хотя и очень поверхностной) критикой Сталина, ведущейся в первые годы перестройки в духе «социализма с человеческим лицом», и видевшей в нем параноидального диктатора и почти единственного инициатора массового репрессий. Эта критика не вышла за рамки верхушечной борьбы разных фракций номенклатуры, использующих тему репрессий с целью дискредитации своих противников и отстранения их от власти. «Сталинизм» рассматривался преимущественно как извращение «ленинских норм социализма», а «злоупотребления властью того времени» служили в значительной степени инструментом критики наиболее консервативной части советской номенклатуры, стремления более либеральной и молодой части высшей бюрократии, возглавляемой М. Горбачевым, отодвинуть старые кадры от власти, но не менять систему по существу. Далее эта линия была продолжена Ельциным, который сам лично был настроен, видимо, определенно антикоммунистически, но сам склад его мышления, сознание и опыт советского функционера вынудили его искать опору среди тех, кто собственно и представлял собой институциональные структуры террора – политической полиции, армии и проч. Образованная же часть общества, бюрократия, гуманитарная элита, никак не была заинтересована в разработке этой проблематики, ибо весь тип ее мышления, этос бюрократического служения были связаны с защитой власти, пропагандой, легитимацией коммунистического режима. Поэтому нелепым было ожидать, что эта среда в целом способна на коренной пересмотр прошлого или углубленное изучение природы советской системы. Считанные единицы социальных историков и социологов продолжали вести изучение данной тематики. Нельзя сказать, чтобы в России совсем не было исследований на эти темы. Их мало, но они есть, и симптоматично, что проводятся они большей частью вне рамок государственных академических институтов, преимущественно общественными организациями (например, «Мемориалом») или отдельными исследователями при поддержке западных фондов. Во всяком случае, это капля в море в сравнении с тем, что делалось в Германии.

Фактически критика прошлого и анализ феномена ГУЛАГа закончились после провалившейся попытки «суда над КПСС», который мыслился сторонниками Ельцина чем-то вроде нового «Нюрнбергского трибунала», но обернулся жалким конфузом обвинителей, оказавшихся в принципе не готовыми связывать массовые репрессии и террор с конститутивными особенностями советского общества как общества тоталитарного. Не было заявлено ни достаточно ясной моральной, ни интеллектуальной позиции, с которой можно было бы судить о прошлом. Именно поэтому вскоре после 1993 г. (после резкой конфронтации Ельцина и сторонников сохранения советской системы, «расстрела Белого дома») в обществе, даже среди политически ангажированной его части, быстро распространились настроения «хватит, надоело слушать о сталинизме», а попытки продолжать дискуссии об ответственности коммунистов и номенклатуры за преступления прежнего времени были объявлены «новыми чистками» и «охотой на ведьм». На этом дело и закончилось.

Нельзя сказать, чтобы люди ничего не знали о репрессиях или не имели определенного к ним отношения. Но чтобы оно могло быть высказано, необходимы сильные раздражители, способные вывести эти представления из-под мощного пласта инертных страхов и запретов. Попытки некоторых агрессивных русских националистов, в которых превратились прежние коммунисты, представить репрессии как выдумку или ложь, распространяемую демократами и махровыми антисоветчиками, вызывает явное массовое неприятие, если судить по нашим исследованиям. Такие взгляды были поддержаны явным меньшинством: число «истинных сталинцев», отрицающих саму проблему («сталинские репрессии – это миф, который раздут некоторыми средствами массовой информации») составило лишь 8% (июль 2000, N=1600), несколько больше опрошенных акцентировали то, что «репрессии касались, в основном, действительных врагов народа» (10%). Примерно столько же заявляли (в духе ранней хрущевской критики сталинских «перегибов»), что «репрессии были связаны с чистками в партии» и «коснулись в основном политических верхов» (14%). Однако подавляющее большинство опрошенных утверждало, что 30-е годы «были годами массового террора против всего народа нашей страны» (58%).

Некоторые представления о том, что думают люди о масштабах жертв этих репрессий, мы получили еще в марте 1991 году. (N=2110). На вопрос: «Как вы думаете, сколько примерно людей было репрессировано в 1920-50-х годы в СССР?» – самая большая группа ответила «не знаю» (34%); «миллионы» ответили еще 21% респондентов и примерно столько (18%) же полагали – «десятки миллионов». Но вместе с тем значительное число существенно занижало количество пострадавших в ГУЛАГе: называли цифры «десятки и сотни тысяч» – 19% , на порядок меньше («тысячи людей») – 6% и еще 2% полагали: немногие «сотни людей». Что «не было незаконных репрессий», утверждал явно маргинальный 1% опрошенных. Примерно такое же число людей, занижающих масштабы проблемы, было зафиксировано и пятью годами позже,

в июле 1996 г. (N=2404). На вопрос: ”В какой мере вы бы согласились с утверждением: «Масштабы массовых репрессий во времена Сталина сильно преувеличены?» - «полностью» или «в основном» были согласны 29% опрошенных, но возражали в той или иной степени 43% .

Таблица 5

С какими из следующих мнений по поводу сталинских репрессий Вы бы скорее согласились ?

	2000	2007 ⁹
Это были годы массового террора против всего народа нашей страны	58	53
Репрессии были связаны с «чистками» в партии и касались в основном политических «верхов»	14	18
Репрессии касались в основном действительных «врагов народа»	10	8
«сталинские репрессии» - это миф, который раздут некоторыми средствами массовой информации	8	5
Затруднились ответить	11	16

N=1600

Есть несколько объяснений этой потери памяти по отношению к ГУЛАГу и событиям того времени (массовым репрессиям, принудительной коллективизации, плена, заключениям в лагеря из-за опоздания на работу или подобным мелким административным правонарушениям). Травмирующие события вытесняются из коллективной памяти, если они не получают соответствующей коллективной оценки и не вписываются в структуру массовой, можно сказать – национальной, идентичности. С ними происходит примерно то же, что и с памятью о стихийных катастрофах и бедствиях – следы их исчезают уже в следующем поколении (если, конечно, они не подвергаются религиозно-этическому осмыслению в качестве меры наказания или средства испытания).

Массовое отношение к сталинским репрессиям в России сочетает в себе черты восприятия их как стихийного бедствия и как *привычного* произвола па-

⁹ Данные опроса 2007 года добавлены в текст настоящей статьи; напомним, что она написана в конце 2002 года. Несмотря на незначительные изменения в распределении данных, объясняемых, по-видимому, не только более «теплым» отношением к органам со стороны действующей власти, но и появлением молодых респондентов, мало что знающих о прошлом страны, о чем говорит увеличение в 1.5 раза затруднившихся с ответом, в целом отношении к репрессиям как политическим преступлениям сохраняется в общественном мнении. На вопрос: «С какими из следующих мнений по поводу репрессий 1937-1938 годов Вы бы скорее согласились?» (август 2007, N=1600), абсолютное большинство (72%) ответило - «это было политическое преступление, и ему не может быть оправдания», настаивающих на том, что репрессии исторически оправданы и объясняются «политическая необходимость» или целесообразностью действий руководства в то время, оказывается всего 9%, Примечательно, что «затруднившихся ответить» гораздо больше – 19%.

терралистской власти по отношению к зависимому от нее и безропотному населению (именно из-за его «привычности» он оказывался трудно объяснимым для абсолютного большинства населения). В отличие от нацистской Германии, где объектом репрессий оказывались группы с четко определенными этническими или социальными признаками, в СССР жертвой террора могли быть любые группы и категории населения – от крестьян до высших чинов партийно-государственной номенклатуры (у последней вероятность быть «стертой в лагерную пыль», как выражался Лаврентий Берия, была даже значительно выше, если учитывать количество жертв террора в пропорции к численности разных групп населения).

Конечно, масштабы произвола в период Большого террора или послевоенных репрессий конца 1940-х - начала 1950-х годов выходили за рамки «обычного» советского уровня государственного насилия, но степень этого обострения никак не влияла на способность населения к пониманию причин возникновения террора и логики репрессий. Массовому сознанию они представлялись столь же иррациональными, что и природные катаклизмы. Преследования, аресты, заключения обретали свою государственно-безличную осмысленность, ведомственную рациональность, плановость, закономерность лишь на уровне высшего и среднего политического руководства; для каждого же отдельного человека или его семьи их массовость была скорее обстоятельством, усиливающим фатальность террора, его непредсказуемость. Невозможность говорить о репрессиях из-за страха оказаться среди жертв делала невозможным генерализацию фактов происходящего. Нет языка, категорий мышления (правового, морального, религиозного или еще какого-то), которые позволили бы выразить и осмыслить опыт происшедшего в советское время. (Сама бюрократически-канцелярская стертость таких понятий, вроде «трагедия народа», «жертвы незаконных репрессий» и т.п., свидетельствует о неопределенности или безличности субъекта высказывания или оценивания, делающая внутренне фальшивым сам тон обсуждения подобных вопросов). Но почему же даже после краха режима, после первых лет гласности и перестроечной критики сталинизма отношение к этим темам осталось почти таким же, что и раньше? Почему общественное мнение России предпочло запечатать эти события банальной сентенцией - «такое уж время было»), отказавшись от их моральной, политической или даже человеческой оценки?

В России не было раньше и не возникло теперь сил или институций, которые могли бы, вопреки корпоративному сопротивлению ведомств, ответственных за террор и репрессии (а именно: коммунистическая партия, суд, политическая полиция – КГБ-ФСБ, армия и другие), стимулировать и реализовать практику массовых дискуссий, выставок документов и материалов, презентаций фактов прошлого, способных дать людям средства осмысления и преодоления прошлого, либо даже навязать им свою нравственную точку зрения. Основные институты в постсоветском обществе сохранились с советских вре-

мен, отчего продолжится воспроизводство старых стереотипов, идеологических представлений об истории, тех же идеологем «врага», без которых невозможны конструкции постсоветской национальной идентичности. Армия, суд, правоохранительные органы остались теми же самими, их главные задачи по-прежнему заключены в «защите государственных интересов», то есть, по сути, - корпоративных интересов бюрократии. В значительной степени этому отвечает и нынешняя идеология госконтроля над системой среднего и высшего образования.

Новой элиты, владеющей современными интеллектуальными представлениями, знаниями, ценностями, ресурсами, не возникло, а стало быть не появилось и новых актуальных интересов в проведении систематической работы по осмыслению прошлого. Препятствием этому является инерция страха. Прекращение массового террора (после смерти Сталина) не означало полного отказа властей от практики репрессий - им был придан характер полицейской профилактики, отдельных акций, предпринимаемых органами госбезопасности против диссидентов или особых групп населения. Почти целое поколение - уже после отставки Хрущева, при Брежневе - не могло не то, что говорить, но даже думать о том, что случилось с их родителями или родственниками, оказавшимися в концлагере по самым разным причинам (в том числе - и после немецкого плена во время войны). Система внутренних репрессий работала таким образом, что не только сам пострадавший, заключенный, но и все члены его семьи, даже если сами они не оказывались под судом или в ссылке, были поражены в гражданских правах. Любое рутинное социальное действие, например, смена места работы или учеба в университете, не обязательно связанное с повышением статуса или социальным продвижением, выездом за границу и т.п., предполагали предоставление властям сведений о родственниках. (См. соответствующие графы в анкетах, заполняемых в каждом подобном случае: «Были ли вы или ваши родственники осуждены», «находились вы или ваши родственники под следствием, в плену, в оккупации», «исключались ли из партии» и т.п.). Естественно, что у людей в течение десятилетий выработались защитные механизмы - навыки молчания, табу, запретных тем, о которых не говорили с детьми или между собой, от которых веяло ужасом. Во временном промежутке с 1950 по 1985 годы выросло поколение, большая часть которого не знало своей семейной истории - о ней никогда не говорили или говорили чрезвычайно выборочно. А если не говорили, эта история вытеснялась и забывалась.

Даже в первые годы перестройки, когда темы репрессий начали обсуждаться в печати, на вопрос в одном из ранних исследований ВЦИОМа 1989 г.: «Говорили ли Вы с вашими родителями о ранее закрытых темах, таких вещах, как, например, репрессии, тюрьмы, ссылки?», - лишь 28% опрошенных решились сказать «да, говорили» (при том, что читали об этом в литературе уже 55%, а еще 8% сами имели в прошлом подобный опыт). Страх носил абсолют-

но нерелексивный характер, он просто определял характер всеобщего повиновения и коллективного заложничества (каждого отдельного человека по отношению к своей семье, к коллегам по работе и т.п.), не позволяя предпринимать какие-либо действия, выходящие за рамки общепринятого и допустимого. Возникал негласный консенсус принуждения, публичного поведения, двоемыслия в оруэлловском смысле.

Очень важным обстоятельством следует считать и конфликт ценностных представлений внутри самого массового сознания, конфликт, парализующий рефлексию и рационализацию опыта террора и репрессий. Я имею в виду крайне важные консервативные убеждения и массовые взгляды, которые определяют солидарность маленького человека с великой державой, обеспечивают ценности военно-мобилизационного закрытого общества. Их воспроизводство, обеспечивающее легитимацию и поддержку авторитарной власти в России, блокирует возможности усвоения либеральных и прозападных представлений о правах человека, о ценности и автономности индивида, о необходимости деэтизации и ограничения всевластия государства и т.п.

В этом смысле в России нет тех условий внешнего институционального принуждения к признанию ответственности государства, в том числе и юридической, за прошлые преступления, как это было, например, в послевоенной Германии. И там было огромное внутреннее сопротивление населения против публичного предъявления преступлений нацистского режима. И там была долгая фаза «молчания». Но там была военная оккупационная администрация союзников, проводившая долгосрочную политику денацификации.

Общественное мнение не верит в возможность в ближайшие годы повторения массовых репрессий подобно сталинским чисткам и, но страх перед ними остался. В январе-феврале 1989 г. не исключали в близком будущем чисток и репрессий 5% опрошенных (N=1128). декабре 1991 году, после нескольких месяцев острейшего политического кризиса ГКЧП, запрета КПСС и т.п. «вполне вероятным» возврат к репрессиям считали уже 12% (53% - маловероятным; N=5037), но позже этот показатель снижается: в 1996 г. – опять 5%. На протяжении же последних пяти лет число допускающих такое развитие событий не превышало 1%.

И тем не менее от четверти до трети россиян испытывают стойкий постоянный страх перед мыслью о возможности репрессий.¹⁰

Он не актуализирован, не имеет психологического выражения, скорее речь идет о фоновой угрозе или, точнее, о системе координат восприятия реальности. Это страх входит в само понятие государства и власти и от него нельзя освободиться, пока существует сама система подобного типа. На вопрос, заданный в 1996 г. (N=1600), чем обеспечивался порядок в стране при советской вла-

¹⁰ С определенной точки зрения не важно, чем вызывается этот страх или, точнее, как он психологически объясняется, как рационализируется диффузное состояние массовой тревожности – связывается ли оно с угрозой чеченского терроризма или опасностью мировой войны - см.: Мониторинг общественного мнения, 2003, №4, с. 65.

сти, ответы распределились так: самая большая группа ответов была - «вера людей в общее светлое будущее, примирявшая с бедами и трудностями» (38%), «сознательное отношение людей к своей работе как общенародному делу» (34%), затем «страх людей перед властью» (30%), «гарантированность большинству людей примерно одинакового минимального достатка» (26%), «советские законы, лишавшие людей прав» (18%), «репрессии против любого открытого проявления недовольства властями» (17%), «запрет на инакомыслие, единая и обязательная для всех идеология» (17%), «привычка людей довольствоваться тем, что дозволено государством» (17%) и т.п.

Прошлое сегодня в публичной сфере или в массовом сознании предстает лишь в очень аморфной, но по-прежнему государственно-бюрократической версии, льстящей закомплексованному сознанию бедных. Дело не в прямой цензуре, хотя об этом вполне уже можно говорить, учитывая изменения в составе властвующей элиты и высшей бюрократии, усиление состава исполнительной власти кадрами чекистов и военных, носителей и хранителей духа советских тоталитарного режима. Дело в ориентации на них ведущих СМИ и лидеров общественного мнения, вытесняющих из публичного пространства всю неприятную для власти тематику, а значит загоняющих «теневое прошлое» в зону нерационализованного, неартикулированного, аморфного и отрывочного, ситуативного устного бытования.

Одной из самых распространенных тактик власти (способов действия руководства), используемых для нейтрализации критики в свой адрес, канализации массового недовольства, является поддержание режима чрезвычайных обстоятельств, обеспечиваемых идеологемой врага, угрозой войны, нападения или ослабления национальной безопасности, терроризма или «утраты территориальной целостности» и т.п. Апелляция к подобным аргументам должна обеспечить правящей элите (включая и более низкие, региональные и ведомственные уровни) монопольное представительство «страны», интересов всего государственного или социального целого. Страх (не конкретный, а фоновый, инерционный, нерационализируемая, не аффективная тревожность) оказывается в посттоталитарном обществе самым эффективным средством найти повинование соответствующим действиям или, как минимум, подавить ропот, сомнения или сопротивление, поскольку отказ от необходимости перед опасностью сплотиться, объединиться, отказаться от своих «маленьких», частных, потребительских, мещанских, меркантильных, эгоистических и т.п. и т.д. желаний, интересов и потребностей, автоматически превращает оппонента настоящей власти в пособника врага или предателя. (Именно так было с родственниками заложников в «Норд-Осте» или журналистами, отклонявшимися в подаче своих материалов в начале второй чеченской войны от официальной позиции). Неважно, какой это будет враг - внешний агрессор или террористы, захватившие

«Норд-Ост»¹¹, ученые-«шпионы», исламисты, НАТО или «олигархи», (рессентиментный популистский фантом, ставший столь же значимым ресурсом массовой поддержки, поскольку позволяет канализировать социальные напряжения и натравливать подчиненные властям суд и органы охраны правопорядка на неугодных промышленников и финансовых магнатов). Риторика властей, не допускающих какого бы то ни было обсуждения и оценки действий руководства, кроме полного одобрения и поддержки, не оставляет места для дискуссии. Кого назначать врагом (а кого национальным гением или святым) – привилегия высшей власти, это ее ресурс легитимности, которым она пользуется по мере необходимости. В любом случае использование этих ресурсов для активизации массовой поддержки означает сохранение архаических способов самоидентификации и солидарных связей и их перенос на коллективное целое. Тем самым воспроизводится массовидный, слабоструктурированный и деморализованный социум, в котором блокированы или подавлены любые ресурсы для самоорганизации, формирования альтернативных элит, развития институтов гражданского общества.

Сам факт усиления партикуляризма в самоопределениях, с социологической точки зрения, более важная вещь, чем “содержание” партикуляристских реакций респондентов. Проявление этой симптоматики свидетельствует об отсутствии (или крайней слабости) новых универсалистских институтов, которые, предположительно, должны были возникнуть в ходе социальных и политических трансформаций российского общества после краха коммунизма (если судить по первым декларациям лидеров, сменивших старый состав коммунистической номенклатуры). То, что их нет, может означать две разные вещи:

1. Усиление этнической и групповой солидарности в ситуации социального и культурного кризиса. Подобная реакция реинтеграции лишь использует в качестве своего ресурса архаический (резервный) пласт культурных значений в качестве суррогатной массовой идеологии, имеющей в значительной степени расовый, этнократический и неомифологический характер. Само по себе это явление давно известно и хорошо описано в качестве сопутствующих феноменов модернизации; в принципе оно может иметь фазовый или социально-локальный, средовой характер, не обязательно перерастая в явления тотальной контр-модернизации.
2. Деградацию или несостоятельность уже возникших, собственно “модерных” механизмов и институтов и возвращение к предшествующим уровням культуры и социальным институтам, демодернизацию. В этом случае речь идет не об идеологиях, а об институциональных изменениях, инволюции. Но и она не обязательно, впрочем, должна

¹¹ Обоснование отказа московского городского суда в удовлетворении исков родственников потерпевших от действий властей во время освобождения заложников на «Норд-Осте» сводится именно к этой системе рассуждения и аргументации.

быть тотальной, вполне допустимо говорить об отдельных, частных и функциональных регрессиях к социальной примитивности, вызванной отсутствием позитивных альтернатив и элитных групп, предлагающих массе более сложные и “прогрессивные” модели и цели социальной политики. Иными словами, в одном случае мы имеем дело с культурной модой, инновацией, стилистической игрой в поиски этнонационального прошлого, в другом случае – сбросом универсалистской “модерности”, редукцией сложности к предшествующим фазам социально-культурной конституции, вызванной несостоятельностью властвующих элит, институциональной косностью общества, невозможностью для ведущих групп принять варианты модернизационных сценариев политического и экономического развития, поскольку они оказываются в противоречии с их интересами или возможностями.

В современной России мы, скорее всего, сталкиваемся с обоими, смешанными вариантами, но их соотношение в разных группах будет различным. Совершенно очевидно, что в российской ситуации часть околополитической элиты цинически (“эстетически” или “постмодернистски”) может пробовать играть в чужие идеологии или версии начальственных взглядов – в “неомарксизм”, левизну, “национал-большевизм”, допустимость “господина Гексагена” или всерьез декларировать патриотическое “государственничество”; внутренне, конечно, этим оно будет отличаться от соответствующих тупых рассуждений региональной бюрократии, но в отношении к массе и по своим социально-политическим последствиям различия здесь отсутствуют. Другое дело – явные усилия окол властных группировок по укреплению тоталитарных институтов, не возвращение к прежней системе институтов, а адаптация отдельных структур к новым условиям, попытки использовать новые организационные формы для старых функций. Таковы, например, усилия некоторых групп чекистов проникнуть в новые финансовые образования, контролировать их деятельность, использовать их ресурсы для укрепления “вертикали власти”, создания системы “управляемой демократии”. Здесь нет никакой или почти никакой идеологии, а интересы “органов” и других аналогичных ведомств вполне очевидны. (Последствия, правда, обеих тенденций примерно одинаковы: посерение общества, утрата оригинальности и новизны, повторение самых массовых и стертых представлений.)

Описываемые изменения конфигураций этнонациональной идентичности россиян, прошедшие со времени первого замера «Советский простой человек», не могли не сказаться и на автохарактеристиках русских¹². Рассмотрим подробнее эти подвижки, используя распределения ответов на вопрос: «*Какие из*

¹² Простой советский человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., Мировой океан, 1993, главы «Этнические рамки существования» и «Русский человек и Запад: представление о русских у жителей ФРГ», с.97-151.

перечисленных ниже качеств чаще всего можно встретить у русских (англичан, евреев, литовцев, азербайджанцев, узбеков...)?». Список содержал 27 определений, из которых опрошенные выбирали соответствующие характеристики для «типичных представителей» того или иного народа. Анализируя структуру этнонациональных комплексов представлений, в прошлый раз я писал о том, что прослеживается взаимосвязь между характеристиками «модерности» и «чужости», причем их различные сочетания могут принимать либо форму признания законности «модерности», но лишь у «дальних чужих», и отказ в признании законности претензий на модерность у своих (которое в этом случае расценивается как неоправданные претензии на «доминирование», на авторитет). Самое негативное отношение вызывает сочетание «традиционности» и «доминирования», которое русскими воспринимается как агрессивное поведение (таковы комплексы представлений об азербайджанцах, см. ниже табл.4 и 5, или о чеченцах, зафиксированных еще до первой чеченской войны в исследовании «Русские в республиках» и в других случаях). Себя русские описывали как «своих», «зависимых» и не «модерных».

Замер этого года дал следующее распределение оценочных признаков у людей из разных этнических общностей (табл.6).

Таблица 6

Типичные характеристики людей разных этнических общностей

(2003 г.; приводятся только те определения, которые названы не менее чем пятой частью опрошенных).

Русские	%	Англичане	%	Евреи	%	Азербайджанцы	%
Открытые, простые	75	Культурные, воспитанные	63	Лицемерные, хитрые	51	Почтительные со старшими	54
Гостеприимные	68	Рациональные	48	скупые	41	жестокие	41
Терпеливые	62	С чувством собственного достоинства	44	религиозные	38	религиозные	35
Готовые прийти на помощь	57	Скрытные	27	Рациональные	38	Гостеприимные	30
Миротлюбивые	49	Энергичные	26	Скрытные	30	Заносчивые	30
Ленивые	41	Заносчивые	24	Энергичные	27	Энергичные	28
Надежные, верные	38	Свободолюбивые, независимые	23	Трудолюбивые	27	Лицемерные, хитрые	28

Непрактич- ные	34	Властолю- бивые	20	Культурные, воспитанные	25	Свободо- любивые, независимые	24
Трудолюби- вые	30	Трудолю- бивые	19	Властолюби- вые	23	Скрытные	20
Свободолю- бивые, неза- висимые	26	Религиозные	17	Почтитель- ные со старшими	21	Завистливые	19

В целом порядок и частота отдельных называемых характеристик изменилась очень незначительно, они близки к результатам 1994 и 1999 гг. Но для того, чтобы иметь возможность сопоставлять колебания контуров и конфигураций этнических стереотипов, признаки, как и в предыдущий раз, пришлось агрегировать по трем осям: «активность, модерность» – «пассивность, традиционность»; «властность, доминирование» - «зависимость, подчинение»; «близость (свои)» – «дистанцированность (чужие)». В таком трансформированном виде динамика этнических характеристик выглядела следующим образом:

Таблица 7

Динамика этнических установок, 1989-2003 гг.¹³
(суммы агрегированных ответов опрошенных)

	Год	Модер- ные, ак- тивные	Тради- ци-он- ные, инерт- ные	Власт- ные, до- мини- рующие	Зависи- мые, подчи- нен-ные	Свои	чу- жие
Англичане	1989	185	39	57	16	25	33
	1994	169	43	76	35	26	35
	1999	169	35	87	16	26	51
	2003	177	40	120	21	20	49
Русские	1989	65	97	30	109	187	17
	1994	100	105	53	118	220	25

¹³ Гудков Л. Динамика этнических стереотипов (сравнение замеров 1989 и 1994 гг.). // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1995, N 2, с.23-27

	199 9	90	90	38	115	212	17
	200 3	97	121	44	130	232	30
Евреи	198 9	117	40	38	23	18	99
	199 4	103	56	46	30	19	114
	199 9	120	54	69	23	17	150
	200 3	134	68	61	27	16	132
Азербайджан- цы*	200 3	88	113	112	16	42	71

* Вопрос о типичных чертах «азербайджанцев» задавался только в 2003 году.

Наиболее существенные изменения в образе «англичан» (олицетворяющего спокойный тип «западного» человека; англичане взяты как пример только для того, чтобы не приносить в понимание «Запада» предельных значений, которые могли бы возникнуть, если бы речь шла, например, об «американцах» или вносить дополнительных обертонов, связанных с войной, если бы речь шла о «немцах») отмечаются по оси «доминирование, властность» (двукратный рост признаков с 1989 года) и дистанцированности «свои-чужие» (рост в 1.5 раза). «Модерность», активность, самодостаточность как отличительные свойства настоящего «западного», деятельного и независимого человека практически не изменились.

Стереотипные свойства «евреев» (мифологический образ которых включал представления о них как носителях чужой культуры «модерности» в среде русских) стали более выраженными, то есть усилились и те, и другие составляющие (и значения активности, деятельности, так и отчужденности, дистанцированности), но одновременно отмечается и рост второстепенных амбивалентных признаков «властности» и «зависимости» (и те, и другие примерно в 1.5 раза).

В описаниях «русских» ядро определений включает прежде всего значения неформальной солидарности (близости, «свойскости») и «зависимости», подчиненности, и именно этот комплекс семантических признаков показывает дальнейший рост (на 24% и 20%). Но вместе с тем заметно усилились и вторичные характеристики, причем более интенсивно выражены прямо противоположные черты: как «инертности, традиционности» (рост на 25%), так и «активности и модерности» (в 1,5 раза, хотя общий индекс и не достиг предельных значений 1994 г., что говорит о неустойчивости самих этих характеристик, их обусловленности какими-то другими факторами). Последние два индекса зна-

чений, если и не сравнивались между собой по значимости, то во всяком случае существенно сблизились.

Таким образом, подытоживая характер изменений в этнических стереотипах, мы можем сказать, что, несмотря на гораздо более интенсивное в целом выражение типичных свойств «русских», самые значимые подвижки в их описаниях сводятся к акцентированию тех качеств, которые содержат признаки «гемайншафтности», лояльности к своим, партикуляристскую солидарность внутри неформальных сетей отношений и малых групп. Акцентирование «русскости» сводится к подчеркиванию прежде всего партикуляристских значений близости со своими, лояльности к своим, а не значений производительности, качества труда и его оценки, как это имеет место, например, у немцев в их самоописаниях ¹⁴.

Таблица 8

Разница суммарных характеристик между замерами 1989 и 2003 гг.

	Англичане	Русские	Евреи
Модерность	-8	+32	+17
традиционность	+1	+24	+28
Доминирование	+63	+14	+23
Зависимость	+5	+11	+4
Близость (свои)	-5	+45	-2
Дистанцированность (чужие)	+16	+13	+33

Поскольку разные свойства отмечаются относительно чаще респондентами, принадлежащим к разным социально-демографическим группам, то можно сказать, что имеет место действие существенно разных идентификационных механизмов: усиление представлений себя в качестве «модерных» у русских может происходить только путем снижения значимости образа «запада», добавления «англичанам» признаков «традиционности» и одновременно – отчуждения от них, в меньшей степени – через негативную оценку этнонациональной инертности и пассивности русских. Но рост внутриэтнической солидарности у русских же идет главным образом за счет сочетания аффективных связей внутри неформальных групп и отказа от ориентации на достижение, успех, и т.п. То же самое воспроизводится и в отношении к евреям: те опрошенные, кто скорее позитивно или, по меньшей мере, нейтрально относятся к ним, чаще склонны выделять черты современности и активности, цивилизованности и т.п., без выраженной негативной дистанции к ним и без подозрений в стремлении к доминированию, отчасти, даже, настаивая на приверженности евреев к традици-

¹⁴ См.: Советский простой человек, М., 1993, с.159-166

онной религии и обычаям предков; напротив, респонденты с латентными анти-семитскими установками сочетают в описаниях евреев признаки чужой культуры, достижительности и рационализма, отчужденности от русских, их подозревают во властолюбии и т.д.

Усиление признаков партикуляризма в самоопределениях непосредственно связано с отчуждением от других, изоляционизмом, ослаблением интереса к чужому, ростом подозрительности и враждебности ко всем, кто не «наши». Острее всего это проявляется в ксенофобии, расизме, в агрессии по отношению к приезжим, в особенности к приезжим из республик Кавказа.¹⁵ Усиление этнофобии, тупое остервенение ущемленных людей, вызванное моральной и интеллектуальной депрессией, оборачивается (по принципу сохранения и передачи давления во все стороны в жидких средах) заметным ростом поиска защиты, развитием комплекса ущемленности, интересом к лозунгам русского нацизма (табл.9 и 10), достигающим пика именно тогда, когда все более ясным становится сознание, что новый режим власти, пусть и поддержанный большинством россиян, мало что может сделать, что российские войска увязли в чеченской войне, что все осталось так, как было.

Таблица 9.

**Представляют ли угрозу безопасности и порядку в России
проживающие в ней люди других национальностей?**
(в % к числу опрошенных)

	1996	2000
Да, представляют (сумма ответов «большую угрозу» + «определенную угрозу»)	33	56
Нет, не представляют (сумма ответов «небольшая угроза»+»никакой угрозы»)	63	43
Отношение угроза/отсутствие угрозы	0.52	1.3

Январь 1996, N=2400; апрель 2000, N=1600

Таблица 10

**Должны ли русские пользоваться преимуществами
при назначении на ответственные должности?**
(в % к числу опрошенных)

	1999	2003
Число опрошенных	<i>N= 1600</i>	<i>N= 2000</i>
Да	31	59
Нет	48	23
затруднились ответить	21	18

¹⁵ См. статью в этом сборнике «Россия для русских»: ксенофобия и антимигрантские настроения в России», с.

Комплексы национальной ущемленности и неполноценности, выражаются не только в усилении партикуляристских компонентов в структуре массовой идентичности, подавлении потенций рационализации собственного травматического прошлого, но и в прямом росте этнократических установок (см. табл.10), распространении диффузного расизма, пока еще только ищущего себе идеологического оформления и обоснования. В этом плане усиление партикуляристских ориентаций может означать также и нейтрализацию интеллектуальных возможностей критики шовинизма, состояние массового отупения. Тем более, что основания для «гордости» у русских заданы рутинным функционированием не меняющихся со времени краха советской власти формальных институтов социализации – школы, армии, и, соответственно, массовых ориентаций на власть.

Часть 2. Армия в постсоветской России

Партикуляризм и фактор «врага». Поскольку значимых позитивных достижений у нынешней власти в России, претендующей на то, чтобы представлять собой национальные интересы всего целого, в настоящем нет¹⁶, то определяющим моментом в характере ее самолегитимации является мотив «угроза врага», остаточный рефлекс милитаристского, мобилизационного и закрытого тоталитарного общества. Подчеркнем, что функциональный императив «государственной безопасности» стал усиливаться и проявляться в ситуации, когда внешняя обстановка в мире для страны была на редкость благополучной и мирной. На протяжении всего последнего десятилетия практически все бывшие «потенциальные военные противники» (США, НАТО и т.п.), раз за разом заявляли об изменении отношения к «новой, демократической России» и об отказе от конфронтации с ней, выступали с различного рода программами помощи (особенно в самые критические годы - 1992-1993), гуманитарной, финансовой или технологической (связанной, например, с утилизацией особенно опасного оружия). Государственные лидеры этих стран делали соответствующие предложения сотрудничества, партнерства по весьма широкому кругу вопросов, представляющих взаимный интерес, выражали стремление к развитию разнообразных связей, в том числе - и военно-дипломатических и проч. Ответом российской номенклатуры на эти западные инициативы¹⁷ было обострение антизападничества, антинаатовской истерии (т.наз. «угроза продвижения НАТО на

¹⁶ Даже в деятельности президента с его предельно высоким уровнем поддержки и одобрения, общественное мнение находит больше неудач, чем успехов; исключением здесь является сфера международных отношений, где защита авторитета России, ее национального престижа расценивается массовым сознанием как безусловное достижение В.Путина.

¹⁷ После отставки А.Козырева с поста министра иностранных дел и замены его старым «разведчиком», сторонником сохранения прежних отношений с диктаторскими режимами и террористическими группировками на Ближнем Востоке, академиком Е.Примаковым, а затем безликим, «техническим» И.Ивановым.

Восток» в 1995-1996 гг.), вызванной планами вступления восточноевропейских стран и бывших прибалтийских республик в НАТО и ЕС). Предназначенная, главным образом, «для внутреннего пользования» (для реальной политики конфронтации с Западом сил уже не было), эта великодержавная риторика реанимировала для массового употребления не столь уж давние, но забытые после холодной войны антиамериканские декларации, обычные для советской военной политики.

Фактически такое положение дел не изменилось даже после 11 сентября 2001 г. и поворота официального внешнеполитического курса нового президента В.Путина на сближение с США, объявлении о «сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом». Если первый из пиков массового антиамериканизма пришелся на весну 1999 г., то второй – на весну 2003 г., на момент разгрома американскими и британскими войсками режима Садама Хусейна в Ираке. Массовые реакции на возвращение конфронтационной картины реальности следовали с сильным запаздыванием, временами даже оказываясь в кажущемся диссонансе с уже изменившимся конъюнктурой и взглядами высшего начальства. Инертное массовое сознание никогда особенно не верило официальным декларациям о новом, открытом и доверительном, характере российско-американских взаимоотношений и сохраняло рутинную настороженность или даже подавляемую неприязнь к США и Западу в целом.

В этом плане приход к руководству В.Путина можно считать лишь продолжением развития тех тенденций внутри номенклатуры, которые складывались и до него и помимо него. Начало новой войны в Чечне, кампании против независимых СМИ и «олигархов», тихий конституционно-государственный переворот (изменение функций парламента, регионально-административная реформа и проч.) следует считать лишь знаками этих процессов, смысл которых публика улавливает с трудом.

Смена режима политической власти в России осенью 1999 года сопровождалась насаждением и акселерацией комплекса врага, обеспечивавшего мобилизацию и поддержку руководства страны. Благодаря некоторым жестам (включая обращение к языку чекистов и блатных), В.Путин приобрел черты надпартийного, общенационального лидера, обещавшего избавить страну от угрозы террора, от коррупции, от опасности провала страны в новый экономический кризис (прежние, в особенности кризис 1998 г., были вызваны, по мнению населения, не столько собственно хозяйственно-производственными трудностями, сколько интересами спекулянтов, олигархов, высших чиновников в правительстве, связанных с западными промышленно-финансовыми группами). «Угроза войны» или нападения исламских боевиков и террористов на Россию стали собирательным обозначением для массового оправдания целого ряда политических мероприятий и действий, систематически меняющих характер политического режима в стране, превращения его в военно-полицейское государство.

Различные идеологемы врага играли важнейшую роль в формировании тоталитарного режима и сохраняли свою функциональную значимость на всем протяжении существования советской власти.¹⁸ Первые опросы ВЦИОМ, проведенные в конце 1980-х годов, показали, что ситуация развала старой системы, сопровождается заметным ослаблением образа «врага», обеспечивающего поддержкой те институты, которые играли ключевую роль в воспроизводстве режима. Однако последующие замеры, наоборот, говорили о том, что по мере стабилизации положения дел в России этот фактор восстанавливает всю свою значимость и силу.

Таблица 1

Раздел I.4 Есть ли у России враги?

(в % к числу опрошенных, 1989 N=1100; 1999 и 2003 г. - N=1600)

	1989*	1999	2003
Да	13	65	77
Нет	47	13	9
Затруднились с ответом	40	22	14

в 1989 г. в формулировке – у «нашей страны».

Таблица 2

Существует ли угроза военного нападения на нашу страну со стороны какого-нибудь государства?

	Да	Нет	Затруднились с ответом
1990	13	50	37
1996	37	47	16
2000	48	45	7
2002	42	42	16
2003	47	45	8

В % к числу опрошенных, 1990 г. N=1500, 1996-2003 гг. N=1600, представлены суммы ответов «безусловно, да»+ «вполне возможно» и «маловероятно»+ «совершенно исключено»

Таблица 3

Раздел I.5 Кого бы Вы назвали врагами России?

(в % к числу опрошенных, N=1600)

	апрель 1999	Август 2003
Чеченские боевики	-	53
Международные террористы	-	47
США	19	24

¹⁸ См. подробнее: Гудков Л. Идеологема врага. / Образ врага. Россия / Russia. М., ОГИ, 2005, с. 7-79.

Финансово-промышленные круги Запада	24	18
НАТО	17	14
Олигархи, банкиры	15	16
Демократы	13	2
Исламские экстремисты	8	-
Коммунисты	8	3
Политические лидеры бывших союзных республик	7	3
Национал-патриоты	6	4
Сионисты	6	-
Русофобы	2	2
Затруднились с ответом	26	2
Нет ответа	14	23

Ранжировано по 2003 г.

Главный фактор негативной консолидации – «чеченские боевики» и «международные террористы» - потянули за собой повышение значимости традиционного «противника», США, играющего самую важную роль в конструкции национального самосознания россиян. Не столь определенный «Запад» (финансово-промышленные круги Запада) передал часть своих отрицательных значений более конкретному и понятному образу высокомерной Америки. Усиление фактора «врага» заметно повышает значимость силовых институтов в российском обществе, почти равным образом и армии, и МВД или КГБ (ФСБ). Для внешнего наблюдателя здесь таится парадокс: слабость и разложение, низкая боевая эффективность современной российской армии, ставшие очевидными в ходе обеих чеченских кампаний и подтвержденные сообщениями прессы о регулярных катастрофах и отказах военной техники, никак не влияют на ее политическую роль и значение в обществе, доверие к ней населения. Обычные объяснения (имперское прошлое и авторитарные традиции России, претензии ее руководства на статус великой державы) вполне справедливы, но чересчур общи и не позволяют понять конкретные механизмы консервации.

Можно предположить, что этот парадокс возникает из-за ложного уподобления армии советского типа и вооруженных сил в западных, демократических обществах.

Армия в тоталитарном обществе. Социальные функции армии в советском обществе никогда не ограничивались задачами обороны от внешней агрессии.¹⁹ Если бы это было так, нынешняя армия России как социальная орга-

¹⁹ Последние не были даже приоритетными, если исходить из фактического соотношения сил и материальных затрат при реализации войсками соответствующих задач, а не официальной патриотической риторики. Убедительнее всего об этом свидетельствует катастрофический опыт первых месяцев войны 1941 года, хотя к тем же выводам можно придти, разбирая характер финской кампании 1939-40 годов или ход афганской войны или явную неудачу военных в нынешней чеченской войне. Гораздо более важным в этом плане (социально-политических функций ВС) был, например, геополитический ракетно-ядерный шантаж, создавший СССР статус супердержавы и позволявший ему играть совершенно особую, устрашающую роль в мире. О слабости военно-тактической подготовки советских специалистов и военной техники говорит ошеломляющие два разгрома армий

низация давно бы развалилась. Но именно благодаря сохранению других своих функций, не имеющих прямого отношения к обороне и защите национальной безопасности, она продолжает существовать с советского времени в почти неизменном виде. Армия в широком смысле слова (командование различных силовых ведомств и военизированных образований, и прежде всего, конечно, - генералитет, министерство обороны) остается не только важнейшим ресурсом власти, поддержки определенного политического курса, но и источником управленческих кадров как высшего звена, окружения общенациональных лидеров, так и руководства среднего уровня управления - регионального, отраслевого, депутатского корпуса разного уровня. Именно благодаря этому армия в целом выступает как чрезвычайно важный механизм социального контроля по отношению к высшему политическому руководству страны. Возможность влиять на подбор и селекцию кадров (в силу сохранения армией функций репрезентации базовых ценностей тоталитарного общества), а не просто применение армии в качестве чисто силового аргумента, предопределяет ее роль во внутривластной конкуренции разных политических клик и группировок. Более общее социологическое понимание армии как социального института подчеркивает его роль быть одним из самых консервативных социальных образований в российском обществе (даже церковь в этом плане гораздо менее влиятельна). Армия как целое обеспечивает условия для репродукции тех ценностей и норм, которые служат элементами, символическими образцами идентификации для массового сознания.

Придание особой роли армии в обществе, или культ армии в СССР стал складываться в самом начале 1930-х годов, хотя опять-таки именно в это время вероятность интервенции против СССР была особенно малой.²⁰ Создание мощной армии было одной из составляющих сталинской политики укрепления режима²¹. За окончательным подавлением оппозиции в стране (после отстранения от власти и высылки Л.Троцкого) должно было следовать устранение любой внешней угрозы режиму. После острого кризиса 1927 года, когда советское руководство полагало, что страна находится на грани войны, было принято решение о необходимости форсированной военно-промышленной модернизации. Условием ее реализации стала не только принудительная коллективизация в

коалиции арабских стран, снабженных советским вооружением и обученных советскими инструкторами, нанесенных ВС Израиля в 1967 и 1973 гг. На несостоятельность или, мягче, - на неадекватность военно-теоретических, доктринальных представлений российских генералов указывает полный конфуз сценарных прогнозов, предлагаемых российским военным командованием относительно хода американо-иракской войны весной этого года (кстати, громадная армия Хусейна была точно также вооружена советской техникой и готовилась точно также специалистами из МО РФ).

²⁰ Характерно, что такая ситуация повторяется каждый раз, когда начинается трансформация режима или возникает угроза его эрозии: Так было в конце 1940-х – начале 1950-х годов, возможно, что это повторится и сегодня.

²¹ См.: Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.

сельском хозяйстве (как источник финансирования ВПК), но и развертывания всего огромного репрессивно-карательного аппарата политической полиции, системы тотального социального контроля и пропаганды. Подготовка общества к войне явилась одним из триггеров и условием социальной консолидации. Поэтому одной из важнейших составляющих расширяющегося террора 30-х годов стали репрессии против высшего и среднего звена армии, вытекающие из внутренней логики утверждающегося тоталитарного режима (как бы иррационально и преступно это не выглядело в глазах последующих поколений, знающих о приближающейся войне).

Идеологическим оправданием усиления репрессивного режима служил тезис о неизбежности скорой мировой войны, не просто воспринятый массовым сознанием, а ставший с течением времени одним из опорных моментов национальной идентификации и сохранившийся до сегодняшнего дня²². «Советские оценки были абстрагированы от драматических потрясений в западном мире в начале 30-х годов. Великая Депрессия, заметно ограничившая военно-экономические возможности европейских стран, никак не повлияла на советское военно-мобилизационное планирование (и, напротив, служила пропагандистским обоснованием тезиса о нарастании угрозы нападения на СССР)». <...> «Неспособность Кремля в 1941 г. отделить реальную, смертельную опасность от воображаемой, внешние обстоятельства от собственных расчетов коренилась в отмеченных выше чертах военно-политического мышления и характерном для него подходе к оценке внешней угрозы. Другой характерной чертой анализа вероятных противников являлось систематическое и всестороннее преувеличение их сил, далеко выходящее за пределы естественной склонности военных аналитиков учесть все неблагоприятные факторы и риски»²³. (Для нас здесь важна прежде всего одна особенность этого мышления советского руководства, подчеркиваемая историком, определяющая свойства «самоисполняющегося пророчества»: влияние представлений вождей о реальности на характер организации власти в тоталитарном обществе и, соответственно, социальную структуру общества, частичное принятие этих идей массой в качестве легитимационных оснований общественного порядка. Для понимания механизмов развертывания негативной идентичности и соответствующей организации общества необходимо принимать во внимание, что эти процессы обусловлены *внутренними* причинами конституции власти, а не заданы извне.) <...> «На внутреннее устройство западных государств переносились принципы поведения и образ действий, составившие стержень «партий нового типа» и ставшие основой государственной политики ленинско-сталинского руководства, которое совершало «отступление» от «военного коммунизма», затем накапливало силы для но-

²² В июне 2001 г. 47% опрошенных россиян считали, что в конце 1930-х годов война была неизбежной, 35% полагали, что ее можно было предотвратить. Здесь, как и в других случаях ниже, когда указываются данные массовых регулярных опросов ВЦИОМ по общероссийским репрезентативным выборкам, N=1600 человек).

²³ Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 1920 - середина 1930-х гг. СПб, Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2002, с. 326-327.

вого натиска на капиталистические элементы и наконец переходило в «наступление по всему фронту». <...> «Дихотомия «способность-намерение» (или «ресурсы-политика») исчезала. ...Понятийный аппарат советских вождей фактически исключал постановку вопроса о действительных целях правящих политических групп, различия между ними воспринимались как градации в степени враждебности СССР и коммунизму, а политическая враждебность ... отождествлялась с подготовкой войны против Советского Союза».²⁴

Дело не в том, была ли так уж фатально неотвратима новая, вторая мировая война. Речь о том, что общественная система, конституированная вокруг армии и репрессивных институтов, легитимированная поисками «врагов» внутри страны и параноидальными идеями предстоящего военного столкновения как исторически предопределенного следствия конфронтации «социализма» и «капитализма», рано или поздно оказывается втянутой в большие войны, поскольку формируются группы, социально заинтересованные в «разгроме врага на чужой территории», как выражалась довоенная сталинская пропаганда.²⁵ Такая армия меньше всего могла отвечать критериям достаточной обороны.

Для руководства армия выступала одной из крайне немногих образцовых моделей социальных отношений в советском обществе, ясно и определенно демонстрирующей основные принципы организации социума (хотя собственное участие военных в принятие политических решений, было весьма ограниченным и вторичным). Контроль над армией (наряду с двумя другими важнейшими инструментами тоталитарной власти – репрессивными органами, политической полицией, и кадровыми назначениями, обеспечивающими организацию и массовое управление всеми без исключения областями социальной жизни) был для высшего политического руководства важнейшим силовым аргументом во внутривнутриполитической борьбе номенклатуры. Особое значение это обстоятельство, как и участие структур госбезопасности, имело в критические моменты смены власти. Достаточно вспомнить смещение Л.Берия вскоре после смерти Сталина и утверждение группировки Н.Хрущева, затем снятие его со всех руководящих постов в результате верхушечного заговора в 1964 г., подготовленного руководством КГБ, во время М.Горбачева – ситуацию в 1989-1991 гг. (попытка силового подавления национальных движений в Тбилиси, Баку, Вильнюсе и Риге); и, наконец, сам путч ГКЧП, инициированный В.Крючковым и армейским командованием, при Б.Ельцине – конфронтацию 1993 года, при Путине – события летом и осенью 1999 г. на Северном Кавказе.

²⁴ Там же. Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 1920 - середина 1930-х гг. СПб, Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2002, с. 329-330.

²⁵ Важно подчеркнуть, что в середине 1930-х годов начинается смена поколений: в жизнь готово вступить поколение собственно «советских людей», сформированных уже новыми, послереволюционными институтами; постепенно уходят или теряют влияние люди, прошедшие через две войны – мировую и гражданскую. Коммунистические власти в России, как и в других тоталитарных странах, делают ставку на молодежь, на людей, родившихся в годы большевистской революции и гражданской войны, сверстников режима, не имеющих других образцов для коллективной социализации, кроме советских.

Для населения же армия с самого рождения советского режима была инструментом карательной политики. В этом качестве она, и прежде всего «внутренние войска» - НКВД-МВД-КГБ-ФСБ, использовалась против самых разных социальных групп (бунтующих промышленных рабочих, мятежных крестьян, заключенных Гулага), против целых провинций с преимущественно нерусским этническим населением (казахов, украинцев, прибалтов, этносов Кавказа и Средней Азии), не говоря уже о так называемых «репрессированных народах» – чеченцах, ингушах, крымских татарах, калмыках, карачаевцах, корейцах и других. Не менее значимым обстоятельством было использование армии для репрессий против населения других стран социалистического лагеря (Берлин, июнь 1953 года; Венгрия 1956 г., Чехословакия 1968 г., Афганистан 1979 –1989 гг., планы военного вмешательства в события в Польше в 1980 г.). Не следует полагать, что использование армии против гражданского населения было характерно только для периодов формирования тоталитарного режима (1920-40-е годы). Оно носило более или менее постоянный характер (начиная еще с досоветского времени, продолжалось на всем протяжении тоталитарного государства и после него, вплоть до нынешней Чечни). Любое обострение политической ситуации в том или ином регионе СССР (например, в 1957 г. на Кавказе, в Абхазии, в 1985 г. – в Казахстане, в 1988-1991 г. – в Киргизии, Узбекистане, Таджикистане, в Азербайджане и Армении, в Молдавии, Литве, Латвии и других местах) немедленно вызывало обращение к армии.

Но если бы дело ограничивалось только репрессиями, система не могла бы функционировать так долго. Армия оказывалась важнейшим институтом социализации и идеологической обработки, каналом социальной мобильности для огромных и бесправных в гражданском плане масс. Прежде всего, это относилось к сельским жителям, составлявшим большинство населения страны, лишенным паспортов, а потому не имевшим – кроме ухода в армию - других легальных оснований выбраться из состояния крепостной зависимости от колхозов. Для аграрного населения, тем более – деревни, разоренной коллективизацией, едва пережившей голод 1930-х и 40-х годов, военная служба представлялась занятием весьма привлекательным, а военная карьера - чрезвычайно престижной. Молодежи провинциальных городов и городских низов армия открывала возможность получить начальное общее и профессиональное образование, повысить социальный статус. Так было, по крайней мере, до конца 1970-х годов. Сочетание тотальной угрозы репрессий для всего населения и частных, индивидуальных возможностей карьеры и социальной мобильности для избранных, отличающихся особой лояльностью к властям разного уровня, создавало весьма эффективную систему интеграции общества.²⁶

²⁶ Характерно, что довольно значительная часть высшего офицерского корпуса состояла из представителей именно «репрессированных народов» и дискриминируемых нерусских этносов (назову лишь самые известные имена в этом ряду: Дж.Дудаев, А.Масхадов, В.Семенов, Р.Аушев, Л.Рохлин). Но и А.Лебедь в своей автобиографии вспоминал о расстреле рабочей демонстрации в Новочеркасске в 1962 г. Подобные примеры можно приводить во множестве.

Социализационная значимость армии как института определялась совпадением двух моментов. Во-первых, армия играла роль исходного модернизационного института для огромного континента преимущественно сельского населения, по существу еще не вышедшего из рамок традиционного образа жизни; это касалось не только России, но и других регионов, присоединенных к империи. Во-вторых, армия была не просто каналом массовизации, институтом, формирующим массовое общество, но массовизации специфической – *тоталитарной*. Перенос армейских форм организации жизни на «гражданские» отношения и институты и внешне и внутренне подразумевал возможность, и даже необходимость подобных соответствий. Остановимся на этом несколько подробнее.

Советская власть складывалась в ситуации военного поражения в первой мировой войне, в условиях краха государства, не выдержавшего слишком сильных напряжений между крайне архаичной патримониальной бюрократией и быстро развивающейся капиталистической экономикой. Несостоятельность основных социальных и государственных образований старого режима, особенно из-за утрировавшей эту неэффективность коммунистической пропаганды, надолго дискредитировала в России любые институты, обеспечивавшие нормальное функционирование общества и экономики. Советский режим, сформировавшийся в 1920-х - первой половине 1930-х гг., не просто сохранил основные черты военного положения времен Первой мировой войны, присущие промышленным войнам такого масштаба - плановую экономику, подчиненную военным целям, упрощенное, по преимуществу репрессивное судопроизводство, иерархический безальтернативный властный порядок, отсутствие представительских органов власти, цензуру, принудительную занятость. Он многократно усилил эти свойства военно-мобилизационного общества, сделав саму готовность к мобилизации одним из легитимационных принципов власти. Тем самым вся организация социальной системы оказалась выстроенной «сверху вниз» как жесткое иерархическое соподчинение разных уровней контроля и массового управления.

Армия и фабрика в советское время представляли собой лишь две разновидности социальных институтов, выступавшие в качестве образцовых для понимания характера всего общественного целого.²⁷ Армия и фабрика различались в данном случае не принципами организации, а целями функционирования. Грань между ними в определенные времена - примерно с середины 1930-х по середину 1950-х гг. и даже позже - была очень условной. Свободы выбора сферы занятости в стране не существовало с 1940 г., а сами принципы органи-

²⁷ Ср.: выступление К.Ворошилова на ежегодном пленуме РВСС в октябре 1931 г. «...Красная Армия есть составная и притом наиболее организованная часть нашего государства...». - Цит. По: Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 1920-середина 1930-х гг. СПб, Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2002, с.196. См. также: Дубин Б. Модельные институты и символический порядок: элементарные формы социальности в современном российском обществе// Мониторинг общественного мнения, 2002, №1, с.14-19.

зации отношений на большинстве предприятий (так называемых «режимных») не слишком отличались по командно-иерархическому устройству от закрытых корпораций военного типа.

Императивы всеобщей мобилизации становились принципами организации повседневной жизни. Они определяли возможности и ограничения приема на работу, типы карьеры, условия обучения в высших учебных заведениях, параметры социальной мобильности (свободу перемещения и кадрового назначения), характер прав собственности, рамки дозволенного индивидуального поведения, типы лояльности как к вышестоящему «начальству», так и к сетям неформальных или локальных отношений «своих», обеспечивающих условия выживания, - семье, дружеским связям, отношениям на работе (всему, что позволяло хоть как-то ограничить репрессивное давление «сверху»).

Иначе говоря, представлениям о «кольце врагов», в котором находится страна, соответствовали представления о «порядке в стране», жестком, репрессивном режиме организации жизни, бытовом корреляте «оборонного сознания». Оба этих фактора – и мобилизационные императивы «угрозы извне», и массовое восприятие власти как источника покровительства, социальной защиты, распределения благ, хранителя справедливости и равенства – взаимосвязаны и поддерживают друг друга.

Мобилизационные структуры не просто проникали вглубь гражданской жизни, они пронизывали и подчиняя себе ее важнейшие сферы. О военно-промышленном характере советской экономики и приоритетах ВПК написаны сотни книг.²⁸ Известно, что любое гражданское производство имело свои мобилизационные планы, в соответствии с которыми в случае войны предприятия немедленно переходили на выпуск военной продукции (очень часто именно эти обстоятельства препятствовали оптимизации или модернизации производственных технологий и ассортимента продукции). Но, если даже не касаться собственно экономики, то все равно приходится говорить о тотальном влиянии военных на общество. Прежде всего – всеобщность воинской повинности: почти все мужчины должны были пройти двух-трех летнюю срочную службу.²⁹

Формирование элиты (селекция и подготовка кадров в вузах) требовало, среди прочего, принятия «причастия буйвола», как говорил Г.Белль. В вузах вводились обязательные для посещения военные кафедры, обеспечивающие соответствующие военно-технические или военно-политические специальности, занимающие от 5% до 10% времени обучения (в зависимости от пола учащегося и от профиля вуза). И это не считая собственно военных вузов и универ-

²⁸ В.Заславский называет СССР «военно-индустриальным обществом», а модернизацию в СССР «милитаристской модернизацией». См.: Zaslavsky V. The Soviet System and the Soviet Union: Causes of Collapse//After the Empire/Ed. by K.Barkey, M.von Hagen. Boulder: Westview Press, 1997.

²⁹ Если до 1960-х – середины 1970-х гг. через службу в армии проходило от 45 до 60% мужчин соответствующих возрастов, то сегодня удастся забрать не более 10% молодежи призывного возраста. Военные же сборы практически умерли – для них нет денег в казне.

ситетов, составлявших в среднем 15-18% от общего числа вузов в стране. Люди с высшим образованием, соответственно, получившие звания офицеров запаса, раз в несколько лет отправлялись на «сборы» (месячные или двухмесячные курсы или программы военной переподготовки и повышения квалификации). Общеобязательными были также курсы и занятия по гражданской обороне.

Принципиальны здесь социальная принудительность, психологическая дрессура; присутствие интересов армии в любой сфере жизни (причем армии как института, сохраняющего черты и «тотального» и «национального», а тем самым консервирующего в своих или подобных им организационных формах семантику ранних фаз национального формирования, консолидации социального целого).

Парамилитарные аналоги имели очень широкое распространение. С одной стороны, они охватывали такие явления, как использование армии вроде бы в сугубо мирных целях (трудовая армия, строительные или железнодорожные войска, применение солдат на любых работах, имеющих общегосударственное значение – от рутинной «помощи селу» в виде участия войск и армейской техники на сезонной уборке урожая до ликвидации последствий в чрезвычайных ситуациях). С другой, напротив, гражданское население подчинялось армейским требованиям и формам. Такова периодическая неоплачиваемая работа, связанная с уборкой урожая, походы на овощные базы, уборку территории и другие обязательные для гражданского населения работы (райкомовские принудительные разнарядки по заводам и учреждениям включали научные и учебные институты, исключений практически не было). Такова милитаризация досуга детей и молодежи в летних детских лагерях, построенных по принципу сборов армейского запаса, студенческие «стройотряды». Таково использование военизированных ритуалов и формы одежды для школьников и т.п.³⁰

Автаркия военного ведомства, неподконтрольность, неподотчетность, неподсудность армии и подобных ей служб, приоритет интересов военно-промышленного производства означали с точки зрения социологии культуры наличие разных по смыслу, непересекающихся сфер, систем права и судопроизводства. Области или фазы собственно военного и гражданского существования для основной массы активного населения не представляли собой абсолютно разнородных сфер жизни, а образовывали, скорее, чередующиеся социальные пространства со своими нормами поведения, ценностями, ритуалами. Отсутствие автономности, непредсказуемость мобилизационных кампаний обращались невозможностью упорядоченности и рационализации жизни, порождали у людей чувство беспомощности, полной зависимости отдельного чело-

³⁰ Равно как и работников прокуратуры, дипломатов, железнодорожников и др. Сталин собирался ввести подобную униформу и для ученых, прежде всего – работников Академии наук, для членов творческих союзов, писателей, композиторов и проч., но не успел. Китайские или северокорейские синие кители именно потому сейчас воспринимаются в России комически, что всего несколько десятилетий назад это было абсолютно серьезным правилом массового поведения в СССР, показателем лояльности, социального статуса и проч.

века от начальства, иррационализма власти, - всего того, что Дж. Оруэлл называл «двоемыслием» как принципом тоталитарной организации жизни. (Собственно, это и есть воспроизводство партикуляризма нового, нетрадиционалистского типа).

Для компартии, с начала ее утверждения у власти, армия была идеальной моделью управляемой массы, ее образцом, предназначенным для употребления в самом разном отношении. Значимым моментом такой организации является неразличимость или слитность оснований управления: солидарность и патетичность соединяется с жесткой принудительностью, деперсонализацией подчиненных, безапелляционностью командования и безальтернативностью подчинения. Формальная, жесткая, репрессивно-иерархическая организованность массы устраняла (замещала, делала избыточными) вопросы о легитимационных основаниях командования и самой власти. Поскольку процессы массовизации традиционного социума происходили в период военного положения, революционного произвола, насилия, слома старых оснований социального порядка и сословного авторитета, то *организованный произвол* приобретал сам по себе черты *квази-легитимности*, лишь укреплявшейся с течением времени.³¹ (Организованная колонна обретает некоторые свойства формально-рациональной структуры, независимо от целей движения).

Армия в глазах коммунистических вождей представляла собой модель оптимального общественного устройства, причем модель организации - универсального применения, простой и всем понятный образец целевого массового управления, основанного на жесткой иерархии, централизованном репрессивном контроле, монополии средств принуждения, слабой функциональной дифференциации, дисциплине, на подавлении индивидуальной автономии и свобод, отсутствии информационного разнообразия. Но такие характеристики массы давали возможность «рационально» планировать запросы армии и общества, определять характер их обеспечения вне зависимости от целей использования.

Поэтому армия как государственная организация насилия воплощала в себе основные ценности советского общества и связанные с ними механизмы коллективной идентичности. Если современные западные общества формировались в процессах институционализации таких ценностей, как индивидуальная автономия (частная собственность, неприкосновенность прав человека), гетерогенность убеждений и верований, свобода, толерантность, и, соответственно, конституционного утверждения социальных механизмов, необходимых для репрезентации и защиты подобных значений и образцов действия (в виде рынка, парламента, многопартийности, независимого суда), то советское общество,

³¹ Разумеется, для социальной элиты, формирующейся вокруг новой советской власти, значимы были и другие, уже идеологические моменты – «строительство нового общества» и т.п., но для массы малограмотного населения действующим был лишь сам принцип силового принуждения и организованности насилия, длительность которого сама по себе приобретала черты привычной упорядоченности и «законности». Полнота безальтернативной власти у руководства страны, не имеющая никаких других обоснований, кроме самой власти, сохранилась как принцип авторитета и законности и сегодня. Для массового сознания сегодня нет других источников легитимности.

при всем его видимом идеологическом миссионерстве и революционаристском экспансионизме, изначально строилось как глубоко консервативное, охранительное, не допускающее ценностного разнообразия и имманентных инноваций, идущих от частного и автономного субъекта. Охранению подлежал прежде всего сам «ген тоталитарной социальности» - принцип вертикальной конституции общества как системы многоуровневого социального контроля, власти, определяющей сферы необходимого, возможного и допустимого социального поведения. Именно поэтому советская система не имела социальных механизмов формальной смены руководства, открытых дискуссий о выборе направления развития или о каких-то других политических программах. Их отсутствие было не дефектом системы, а ее принципиальной особенностью.

Милитаризм оказывался не столько «техническим» обоснованием решения идеологических или политических задач, экспансии господства на любые доступные для расширения сферы влияния, будь то страны Восточной Европы или третьего мира (на языке партийной номенклатуры - «борьба за мир, безопасность и демократию»), сколько идеальной конструкцией советского социума, к которой постоянно апеллировали партийно-хозяйственные руководители и агитаторы. Позднее, уже на стадии брежневского «развитого социализма» и начала разложения советской системы, милитаризм стал принципом массовой культурной идентификации. Опять-таки, дело не в том, была ли экспансионистская программа («строительство социалистического общества в других странах») успешной или нет: успех мог подтверждать легитимный характер режима, как это было после войны, но неудача подрывала его далеко не всегда.³²

Речь вообще идет не о прагматических оценках и поддержке соответствующей политики (в советское время или в постсоветской России политика была сферой, принципиально защищенной от любых форм ответственности), а о самой конституции общества.

В данной системе представлений военный успех ассоциировался, в первую очередь, с ценностью «великой державы» и мог интерпретироваться только как значимый компонент символического целого, органического социального порядка, на котором основывалась русская государственность. Совершенно не обязательно при этом, чтобы это был реальный, фактический успех. Функционально значимой оказывалась сама культивируемая идеологическая ценность победы, становящаяся кристаллизатором огромного множества значений и риторических фигур национального самосознания.

Эти ценности, включая воинские идеалы и добродетели, - героизм, верность, готовность к самопожертвованию, повиновение, стойкость, мужество - составляют важнейший фон семантики советской власти. Источник соответствующих определений - именно власть, располагающая монополией на распределение их в обществе, официально квалифицирующий тех или иных под-

³² Sapper M. Die Auswirkungen des Afghanistan-Krieges auf die Sowjetgesellschaft. Eine Studie zum Legitimitätsverlust des Militärischen in der Perestrojka. Münster; Hamburg, Lit, 1994, особенно - S.289-357.

данных как достойных этих ценностных характеристик. Антизападничество (антимодернизм) и идеология “особого пути” образовывали единый комплекс, включавший несколько компонентов: милитаристско-полицейский режим, особое значение властной вертикали в конституции общества; горизонталь массовой солидарности, социальной однородности, управляемости с точки зрения власти или, в категориях русских славянофилов - органического, ”соборного” национального единства власти и народа, проникнутого чувствами всеобщей “православной” любви и избранности. В советское время этот комплекс был дополнен идеологемами особых, чрезвычайных состояний, в которых отменяются обычные повседневные механизмы регуляции и “частные”, “нормальные” интересы (с точки зрения слабых и культурно не обеспеченных структур гражданского общества). Монопольное сосредоточение этих символических функций только у власти нейтрализует или парализует потенциал собственно гражданской активности и солидарности, возможности социальной дифференциации, значений представительских институтов.³³

Поэтому армия и полиция становятся центральными, представительскими институтами, символически обозначающими основные ценности всего «коллективного целого», приоритет общих интересов над частными, важность сохранения целого. Этим советское (и отчасти постсоветское общество) отличается от современных обществ Запада, где в качестве базовых выступают другие публичные институты (экономические, политические, наука, искусство, спорт и т.п.), интегрирующие целое посредством системы символических коммуникаций и обменов.

В советское время было бессмысленным спрашивать, сколько стоит конкретный танк или баллистическая ракета, поскольку не существовало механизмов опосредования, которые устанавливали бы примерные соотношения общественных затрат и цену спроса. Пропорции не могли устанавливаться применительно к человеческим запросам и потребностям: ресурсами распоряжались, исходя из соотношения влияний соответствующих групп в составе номенклатуры и высшего руководства, отраслевых лоббистов в ЦК КПСС. Уровень потребления и стандарты повседневной жизни выводились «плановым образом» «по остаточному принципу», то есть, как минимально необходимые издержки, необходимые для воспроизводства структуры господства и сохранения приоритетов ВПК.³⁴ Система ценностей и приоритетов выстраивалась «сверху вниз», безальтернативно, как данность, не подлежащая обсуждению. И такое положение вещей населением (обществом) волей или неволей принималось.

³³ Не с этими ли резидуальными представлениями связаны массовое признание, благодарность и популярность министра МЧС С.Шойгу?

³⁴ Хотя в позднее советское время экономисты и пытались рассчитать удельный вес военно-промышленного производства в СССР, определив, например, что стоимость программы «Буран» (беспилотного космического корабля многоразового использования, советского варианта «Шаттла») примерно эквивалентна десятилетней программе жилищного строительства в СССР, но это никто не принимал в расчет. Сама мысль о том, что можно или следовало бы спросить население, согласно ли оно жертвовать условиями своей жизни ради достижений в космической гонке с американцами или нет, представляется нелепой.

Задача самосохранения номенклатуры - основной корпоративный мотив действий высшего руководства СССР - предполагала не просто перевод любых событий внешнего или внутреннего мира на язык противостояния «своих» и «чужих», врагов и союзников, а породила способ организации реальности по принципу неустранимой конфронтационности, вменения мотивов враждебности к советскому у всего, что не «наше». Так, именно сразу после победного конца войны и колоссальных потерь, человеческих и экономических, был начат совершенно новый этап военно-политического развития – «гонка вооружений», холодная война, заморозившая убогий уровень жизни населения, продолжение или даже усиление репрессий еще на как минимум на десять лет.³⁵

Институты массового насилия, обеспечивающие конституирование и организацию советского общества в период его формирования и утверждения, были первыми по времени появления и наиболее важными (самодостаточными) на всем протяжении существования СССР, хотя идеологически – в массовой пропаганде, в риторике строительства «нового общества» и создании «нового человека» – эти институты всегда трактовались как инструментальные, вынужденные, а потому – как бы временные. Сегодня, спустя 15 лет после начала перестройки, все более отчетливо проявляется их фундаментальная роль в воспроизводстве всего общественного целого, их смыслополагающая, интегративная, символическая, а не просто исполнительская функция (защиты власти в широком плане, включающая и селективные репрессии против отдельных групп населения или конкурентов в составе самой номенклатурной верхушки до обороны против внешней агрессии). С усилением разложения мобилизационно-репрессивного режима советского типа реальные, а не декларативные функции этих структур приобретают все более обнаженный характер, становятся все более заметными на фоне ослабления инструментальной эффективности их, массовой дискредитации их, росте негативного к ним отношения.

Институциональный костяк посттоталитарного социума, удерживающий организованность всего целого после развала других важнейших институтов, казавшихся центральными и опорными для советского времени (партии, сращенной с государственными аппаратом, плановой государственной экономикой, институтами пропаганды) сохранился после краха других институциональных структур только потому, что основные усилия аппарата были направлены на блокировку процессов социальной и функциональной дифференциации, подавление возможностей возникновения автономных от власти социальных образований, т.е. прежде всего - на удержание самого «вертикально-иерархического» принципа конституции общества, социального порядка, выстроенного как система однонаправленного, «сверху-вниз», довольно примитивного контроля.

³⁵ См.: Быстрова И.В. Военно-экономическая политика СССР: от «демилитаризации» к гонке вооружений. / Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. М., Наука, 1999, с.171-187.

Практика подобного управления (по схеме, интуитивно найденной в последние десять лет) предполагает сочетание двух условий: состояния массовой апатии и астении (как результат продолжавшегося десятилетиями воздействия мобилизационных компаний и институтов) и периодических кризисов, дающих импульсы краткосрочной негативной мобилизации (угрозы «врага», опасности терроризма, стихийных или техногенных бедствий, угрозы развала систем массового жизнеобеспечения), напоминающих о важнейших ценностях и составляющих прежнего социального порядка, но не восстанавливающих его в полном виде. Эффекта подчинения, демонстративной, хотя и вялой, принудительной поддержки, в принципе, можно достичь, совершенно не обязательно сохраняя постоянным режим чрезвычайщины, тотальной мобилизации, широких репрессий, истерической взвинченности и готовности к разоблачению внутренних врагов или к отпору внешних, как это было в 30-50-х годах. Для этого вполне достаточным оказывается сохранение режима заложничества (отложенного наказания «для всех», всеобщего призыва, избирательного правоприменения, угрозы терактов) (или убедительного впечатления подобной безальтернативности, безвыходности, возможности действовать как-то иначе, чем до сих пор).

Этого сравнительно «спокойного», редуцированного эквивалента прежнего массового террора вполне достаточно, чтобы парализовать потенциал автономности каких-либо групп и, соответственно, возможности появления иных оснований для солидарности и реструктуризации всего социального целого. Собственно к этому сводится сущность нынешней политики «управляемой демократии», демонстративного устранения по возможности любых «субъектов», независимых от номенклатуры разного уровня, производимого под любым предлогом, чаще даже как бы не имеющих вида прямого административного давления и произвола, т.е. проводимой через суд, решающего не политические вопросы, а «споры хозяйствующих субъектов», или прокуратуру, возбуждающие в порядке надзора дела о тех или иных нарушениях закона и финансовых злоупотреблениях.

Антиподом тоталитаризму в этом случае будет не «общество с представительской демократией и рыночной экономикой, неотчуждаемыми правами и свободами», а желеобразный социум, удерживаемый в этом состоянии небольшим числом институциональных структур понижающей или негативной адаптации, обеспечивающий «усерение» общественной жизни, разгрузку от актуальности, де-проблематизацию публичной сферы. Отдельные социальные или культурные анклавов или гетерогенные включения не меняют характер целого, если они не представлены на публичной сцене. Важно лишь, чтобы воспроизводился хотя бы в минимальном объеме управляющий контур старого типа, представленный правящим кабинетом, подчиняющимся по-прежнему императивам соответствующих ведомств.

К таким выводам подводят уже довольно значительное число исследований, проведенных во ВЦИОМе за последние годы и описывающих характерные состояния нынешнего массового сознания и тенденции институциональных изменений. Я бы отнес сюда и «деградацию» демократических выборов разного уровня, политическую и законодательную стерилизацию парламента, роль ТВ, развитие астенического синдрома в начале второй чеченской войны, усиление «идеологемы врага» и рост неотрадиционализма, аполитичность и инфантильность молодежи, но также и общее повышение удовлетворенности при отсутствии роста материального уровня жизни населения и какого бы то ни было оптимизма, крайне слабом выражении протеста и многое другое.

Распад «закрытого» общества, не выдерживающего внутреннего давления хронической мобилизации, сопровождается явлениями социальной аномии, превращением институционально культивируемой и направляемой агрессивности в диффузную бытовую злобность, повседневную brutальность и массовую ксенофобию. О характере этого теперь эрозированного, но ранее воспитываемого и организованного насилия можно косвенно судить по общему числу заключенных на единицу населения (даже с учетом ведомственного занижения регистраций деликтов) или самоубийств. По тем и другим параметрам Россия, если не лидирует, то разделяет 1-2 места с другими странами.

Внутренние механизмы консервации роли военных. Несмотря на видимые перемены, произошедшие в России за последние 12 лет, ключевые институты советского государства, которые относятся к воспроизводству власти и структур репрессивного контроля, - армия, органы государственной безопасности, судебная система, полиция - остались практически неизменными. Перемены, вызванные распадом союзных структур управления, заключались в имитации сокращения численности армии по сравнению с доперестроечным временем и, соответственно, объемов ее финансирования.³⁶ Но все это не коснулось статуса армии и правоохранительных органов.

Планы демократов, пытавшихся радикально изменить характер и положение силовых структур в обществе, снять табу со всего, что относится к армии и

³⁶ Однако по мнению одного из наиболее серьезных военных аналитиков в России, это сокращение носит чисто фиктивный характер: «Сегодня в Минобороны с учетом так называемых вольнонаемных, многие из которых – бывшие военные, вновь зачисленные после увольнения, на службе около двух миллионов человек. Это конечно, несколько меньше, чем было в советском МО. Но надо учесть, что в советское время в «силовом блоке» было меньше военизированных ведомств. В 90-е годы из МО вычленили войска гражданской обороны (МЧС), железнодорожные войска и спецстрой. Причем, если исходно в российских войсках ГО было 30 тысяч, то сегодня в МЧС – несколько сотен тысяч ... МВД с распадом СССР только росло...Сегодня там служат с учетом неаттестованных сотрудников 2 млн. человек. Из КГБ СССР вылупились: ФСБ с погранвойсками, ФСО с президентской службой безопасности. И тоже все эти годы численность сотрудников только росла, особенно в службе охраны. Еще в силовой блок входят прокуратура, таможенный комитет, новое федеральное ведомство по наркотикам (все в погонах) и МИД. Всего в этом блоке – более пяти мил сотрудников. По мнению военных – штатных сотрудников думского комитета по обороне, сегодня реальная милитаризация и бремя расходов на содержание силового блока на среднестатистическую душу российского населения существенно выше, чем в советские времена, поскольку мы унаследовали только половину советского населения и экономического потенциала, а «силовой блок» – практически весь». – Фельгенгауер П. Путин закончил военную реформу в России// Новая газета, 2003 г., 4 августа.

службам госбезопасности, реализовать не удалось. Критика положения дел в армии свелась, главным образом, к обличению коррупции среди высших армейских чинов, масштабов и причин распространения насилия («дедовщины»), массового дезертирства, низкого уровня материального обеспечения военнослужащих, отсутствия у них правовой защиты, но не затронула самой сути изжившей себя социальной организации вооруженных сил. За годы, прошедшие после краха советской системы, ни в парламенте, ни в прессе практически не было дискуссий о военной доктрине (и соответственно понимании целей и задач армии в посткоммунистическом мире), а потому всерьез не затрагивались вопросы прозрачности и размера военного бюджета, механизмов депутатского контроля над ним. Другими словами, не произошло концептуального переосмысления задач армии и роли вооруженных сил в изменившемся мире. Иначе и быть не могло, поскольку проблема реформирования и определения целей военной политики была отдана самому военному руководству, а оно меньше всего было заинтересовано в кардинальных переменах или способно на них.

Верхушечный характер борьбы за власть при сохранении известной отчужденности от политики самого населения и крайней неразвитости структур гражданского общества, доминировании в советской политической культуре государственно-патерналистских установок населения объясняет относительно мирный характер распада государственно-политической системы. (За словом «мирный» скрывается ложное представление о том, что «массовые социальные движения», «глубинные трансформационные процессы» были насколько мощными, что ни военные, ни КГБ не решились на открытые и активные репрессии. Сегодня понятно, что это не более, чем иллюзии поверхностных демократов и либералов»). Но уже закрепление произошедшего передела власти и тем более - консервация установившегося порядка сразу же потребовали демонстративного использования военной силы, усиления роли армии и спецслужб в качестве инструмента реставрации контроля центральной власти над происходящим, укрепления ослабевшей «вертикали» социального порядка.

Подавление «парламентского» протеста после длительного противостояния Верховного Совета РСФСР и Президента России летом и осенью 1993 года уже шло при непосредственном участии армии. Результатом стал, соответственно, рост влияния генералитета и спецслужб, преемников КГБ СССР как в непосредственном окружении Б.Ельцина, так и в других социальных институтах, имеющих прямое отношение к политическим решениям - в правительстве, парламенте, вновь образованном при президенте Совете безопасности и др.. Это, в свою очередь, повлекло за собой ослабление, а затем и прямое отеснение более либеральных и прозападно настроенных «младореформаторов» от руководства ключевыми секторами социальной и экономической политики. Чем меньшую социально-политическую роль играл российский парламент, утративший после принятия новой конституции ряд важнейших контрольно-законо-

дательных функций, тем большее влияние на политику получали высшие военные чины. Президент Ельцин все чаще рассматривал последних как прямую опору своей личной власти, гарантию ее стабильности.

Прямыми следствиями этих изменений уже в конце 1994 года стали первая чеченская война и смена внешнеполитических ориентиров. В политическом дискурсе появились принципиально иные обороты. Декларации о необходимости интеграции с западным миром (в более популистском, а потому и более влиятельном варианте они именовались предательством национальных интересов России «демократами», «сдачей» страны западному капиталу) сменилась риторикой умеренного противостояния, а затем и прямой антизападной истерией, требованиями поставить барьер против расширения НАТО на восток. Эксплуатация разного рода фобий, от «защиты национальных интересов России» до утверждений прямой угрозы ее безопасности, экспансии западных стран, обвинений в стремлении «колонизовать Россию», информационная подача политики реформ в стране как реализации давнего заговора западных кругов против «Великой России» оказалась очень продуктивной, поскольку в массовом сознании острый экономический кризис и падение жизненного уровня с самого начала связывались именно с рыночными и демократическими переменами. Усиливалась политика изоляционизма, росли антилиберальные настроения в стране, оживлялась ностальгия по советскому прошлому. Чем слабее в физическом и политическом плане оказывался Б.Ельцин, тем значимее была роль военных, точнее - «силовиков», включая и чрезвычайно разросшуюся президентскую охрану, возглавлявшуюся А.Коржаковым, который стал активно вмешиваться в экономическую и политическую жизнь.

Возник замкнутый круг. Начатые и нереализованные реформы таили в себе опасность социальной нестабильности, огромный потенциал социального напряжения, кризиса власти, снять угрозу которого, по мнению верхушки руководства, можно было только укреплением силовых структур МВД, армии, ФСБ и, соответственно, отстранением тех кадров, которые могли относительно последовательно и благополучно завершить реформы и добиться позитивных результатов - подъема экономики, повышения материального уровня жизни населения. Именно в эти годы (1994-1997 гг.) МВД предоставляются огромные материально-финансовые средства, идет увеличение численности и реорганизация вооруженных подразделений внутренних войск (новое оснащение войсковых частей МВД), реанимируются и отчасти реабилитируются структуры госбезопасности.

Армия в постсоветской России: функция консервации системы Начавшаяся чеченская война стала первой и самой значимой попыткой, предпринятой «силовым блоком», сохранить распадающуюся структуру мобилизационного и репрессивного государства, обеспечив ему массовую поддержку рос-

сийского общества.³⁷ За восемь в общей сложности лет войны российские генералы приобрели небывалое политическое влияние. Только в условиях хронической слабости центральной власти силовые (военные) решения и акции принуждения могут представляться и политическому руководству, и обществу в целом как самые простые и наиболее эффективные в ситуациях, требующих терпения, рациональности, такта, исторического понимания, культуры и компетентности. Даже свое поражение российские военные сумели обернуть преимуществом, обвинив политиков в предательстве, в том, что те «держали их за руки», не давая им материальных средств и ограничивая свободу их действий в окончательном уничтожении отрядов чеченского сопротивления.³⁸

В этом контексте появление на вершине власти В.Путина, бывшего ранее руководителем ФСБ, кажется вполне закономерным. Для понимания механизмов консолидации российского общества совершенно неважно, были ли вторжение чеченских вооруженных отрядов Ш.Басаева в Дагестан и взрывы жилых многоэтажных домов в российских городах инициированы ФСБ для дестабилизации положения в стране, создания атмосферы страха и неуверенности, без которых невозможен приход авторитарного по стилю лидера - «спасителя отечества», или же эти структуры в целом не причастны к этим актам.³⁹ Сам по себе стремительный выход на первый план в России такой фигуры, как Путин, фигуры, ранее практически никому не известной, не имевшей и не имеющей собственной политической программы, так что любые политические силы и группировки могут увидеть в нем что-то свое, близкое им по настроениям, означал лишь, что Путин - «выдвиженец», креатура мощных, обладающих реальной властью группировок в структурах государственного управления и зависимых от государства секторах экономики.

Вторая чеченская война стала политическим реваншем военных и спецслужб после нескольких лет ограничения их влияния и власти реформистски настроенным крылом номенклатуры (правительством Е.Гайдара). Сегодня влияние военных на политическую жизнь идет по нескольким каналам. Высший уровень политического руководства – ближний круг президента - представлен почти исключительно выходцами из КГБ, руководством армии и от-

³⁷ Еще раз подчеркну, что этот сценарий событий последовал только после того, как неудачей закончились две предыдущие попытки переворота и реставрации прежней системы – ГКЧП и конфронтация Ельцина с ВС РСФСР в октябре 1993 г., обернувшаяся вооруженным мятежом, подавленным Ельциным с помощью верных ему элитных частей армии и спецназа.

³⁸ В реальности это «окончательное решение» могло быть только одним – получением военными санкции высшего руководства на тотальный геноцид чеченского этноса, «превращением территории Чечни в пустыню Гоби», как к этому призывал генерал А.Руцкой.

³⁹ Как бы ФСБ не отрешивалась время от времени от возникающих подозрений в том, что она причастна к этим рейдам чеченских сепаратистов или даже что она спровоцировала их, дабы путем искусственного обострения ситуации в стране, получить возможность введения особого чрезвычайного режима, тот факт, что именно В.Путин был руководителем ФСБ в это время, а значит обладал соответствующей информацией, средствами контроля над ситуацией в регионе и в стране в целом, позволяет лучше понять те механизмы, которыми воспользовались группировки, приведшие его к власти по известному еще с 1934 года (убийство Кирова) сценарию.

ставными генералами⁴⁰. Менее заметны процессы проникновения военных и бывших сотрудников спецслужб в финансово-экономические структуры крупных корпораций или принуждение к сотрудничеству с ними руководства крупнейших предпринимателей, финансирующих партию власти и предвыборные кампании на местах.⁴¹

Усиление спецслужб и военных не остается без внимания в российском обществе, однако оно не вызывает должных негативных реакций, а тем более сопротивления. Напротив, оно резонирует массовому разочарованию в характере и результатах реформ в обществе и экономике, дискредитации государственной власти в целом, ностальгии по советскому прошлому и представлениям об армии как воплощении национальных символов и ценностей.⁴² (Именно поэтому армия находится в положительной зоне «доверия» к общественным институтам, сразу после президента и церкви, хотя баланс массового доверия очень невысок: разница между доверием и недоверием составляла на протяжении 2003 года всего 4-6 пп., у президента - 52-53 пп, у церкви – 24 и 31 пп.). В этом контексте связь Путина с госбезопасностью и армией выглядит в глазах значительной части российского общества скорее достоинством, нежели позорящим пятном на репутации.⁴³ Об этом свидетельствует повышение доли тех респондентов (в 1.6 раза), указывающих на президента как представителя интересов спецслужб и силовиков.

Таблица 4

Какие социальные силы или интересы каких групп представляет президент Путин?⁴⁴

	Февраль 2000	Март 2001	Март 2002	Март 2003
«Силовиков», спецслужб, армии, МВД	28	36	33	44
«Олигархов», банкиров, крупных предпринимателей	18	18	25	29

⁴⁰ Подробнее см.: Макаркин А.В. «Питерская» команда Владимира Путина // Москва – Петербург. Российские столицы в исторической перспективе. М.: 2003, с.130-149.

⁴¹ В этом плане особенно интересен последний и самый острый конфликт силовиков с крупнейшей российской компании «Юкос». Речь идет о попытках одного из кланов «питерских чекистов», пришедших вместе с Путиным и составляющим влиятельное крыло в его администрации, произвести передел собственности, отодвинуть на задний план партию нынешних центристов (во главе с руководителем администрации президента и блоком губернаторов и других региональных лидеров) и тем самым обеспечить себе твердые позиции во власти и экономике после 2008 года.

⁴² Но прямое правление армии, установление в стране военного положения, диктатуры военных обществом воспринимается крайне негативно: против передачи всей полноты власти военным высказываются 85% опрошенных. см.: Общественное мнение –2002.Ежегодник ВЦИОМ. М.,2002, с.119.

⁴³ Косвенно об этом же свидетельствует и поддержка значительной частью населения идеи восстановления памятника Дзержинскому у здания КГБ в Москве на Лубянской площади, демонтированного в августе 1991 г. во время путча КГЧП. Соотношение сторонников восстановления и их противников составляет в этом случае 3:1.

⁴⁴ Последующие распределения ответов опрошенных на этот вопрос (2004-2007 гг.) см. в «Общественное мнение. 2007» Ежегодник Левада-центра. М., 2007, с. 69.

«Семьи», ближайшего окружения Б.Ельцина	22	22	21	28
«Среднего класса»	18	23	23	27
«Простых людей», служащих, рабочих, крестьян	25	18	17	21
Государственной бюрократии, чиновничества	13	19	23	21
Директорского корпуса, руководителей крупных пред- приятий	10	16	18	17
Культурной и научной элиты	6	9	7	11
Всех без исключения	8	11	10	9

В % к числу опрошенных в соответствующем опросе, N=1600

Такие установки массового сознания могут означать лишь одно: высокий статус армии и спецслужб – это индикатор отсутствия изменений или, другими словами, сохранения бесконтрольного положения власти.

Воспроизводство «оборонного сознания»: Россия и НАТО. Массовая настороженность и негативизм в отношении НАТО как военной организации западных стран, где командуют США, остается весьма заметным фактором политической консолидации. 40% опрошенных полагает, что политика расширения НАТО на восток угрожает безопасности России (14% респондентов полагают, что, напротив, она укрепляет ее безопасность и, еще 25% считают, что она «не оказывает существенного влияния» на состояние России). Именно потому, что никаких реальных оснований для опасений в отношении НАТО нет и командование НАТО, западные лидеры высказываются на этот счет совершенно определенно, подобные страхи россиян следует рассматривать как перверсию их собственной многолетней институциональной агрессивности. Однако сама эта агрессивность (остаточный милитаризм) находится в состоянии «полураспада». Чем конкретнее звучит формулировка социологического вопроса, чем дальше она отходит от традиционных клише советской пропаганды, тем более спокойны реакции российских респондентов. Например, в отличие от вышеприведенной формулировки вопроса («политика расширения НАТО на восток»), вопрос: «Представляет ли НАТО сейчас угрозу для России?», ответы распределились иным образом: «да» сказали лишь 32% опрошенных, «нет» - уже 49%. Другими словами, преобладает сдержанное, дистанцированное, настороженное, но отнюдь не агрессивное отношение к НАТО.⁴⁵

Причина устойчивости антизападнического мобилизационного синдрома заключается в том, что, несмотря на разложение армии и милитаристского

⁴⁵ Вступление России в НАТО готовы поддержать 35%, против вступления - 47% опрошенных (март 2003 г., N=1600). (Ср. с приводившимися выше ретроспективными оценками «неизбежности» второй мировой войны).

комплекса, замены им нет. Сохранение старой институциональной системы препятствует возникновению других представлений об армии и ее отношениях с обществом, блокирует возможности рецепции других институциональных моделей, парализует даже саму идею другой концепции вооруженных сил, как показывает судьба всех разговоров о военной реформе. Интересы раздутого генеральского корпуса, нуждающегося в соответствующих частях и должностях, боящегося любых изменений, а потому всеми силами держащегося за консервативную, по существу - все еще советскую военную доктрину, провоцирующего войны и кризисное состояние в стране, чтобы сохранить финансирование и кадровую структуру армии, являются сегодня одной из главных причин внутреннего политического паралича, отсутствия значительных изменений, неудачи модернизации России уже в посткоммунистическое время.

Но было бы неправильным думать, что только генералитет, офицерский корпус или предприятия, входящие в систему ВПК, заинтересованы в поддержке нынешней модели отношений армии и общества. О том же свидетельствует готовность большинства россиян одобрить увеличение военных расходов, несмотря на плачевное состояние госбюджета. Как полагают опрошенные, плоха не сама модель армии, а нынешние условия ее реализации. Поэтому 55-60% опрошенных в 2000-2001 гг. считали, что армия сможет их защитить в случае реальной военной угрозы со стороны других государств.

Общественное мнение об армии и ее реформе. До определенного времени опросы показывали очень высокий уровень поддержки идеи реформирования армии и перевода ее на контрактную основу («за» профессиональную армию в 2001 г. выступали 84% россиян). В качестве первого этапа реальной военной реформы обществом высоко поддерживалась идея введения альтернативной гражданской службы. Но принятие генеральского варианта закона об альтернативной службе, не просто удлинявшего вдвое сроки прохождения этой службы, но ставящего «отказчика» в заведомо более тяжелые условия фактического отбывания «наказания» от уклонения от службы в армии, к тому же требующего от «альтернативщика» пребывания в казармах, а не на социально-гуманитарных работах, привело, как и рассчитывал на генштаб, к тому, что население вынуждено было отвернуться от альтернативной службы.

Новая «концепция» реформы армии, предложенная военным командованием, фактически представляла собой отказ от каких-либо принципиальных изменений (суть сводилась к увеличению к 2007 г. удельного веса «контрактников» до 15% и сокращению общей численности армии). Общественное мнение на это отреагировало довольно ясно: лишь треть (34%) опрошенных полагали, что это взвешенное и реалистическое решение руководства страны, гораздо большее число россиян (42%) считают эту концепцию половинчатой и оппортунистическим шагом, настаивая на том, что нужно всю армию переводить на договорные отношения; и лишь 15% уверены, что это ошибка, что нужно оставить все как было, то есть что армия должна формироваться по призыву. Само

по себе это ужесточение репрессивного режима не устраняет понимания населением процесса деморализации армии, роста дезертирства, служебных преступлений и нарушений дисциплины.

В январе 2002 г. 54% опрошенных согласились с тем, что «России следует в ближайшее время увеличить расходы на оборону, может быть даже в ущерб другим статьям бюджета», 31% - были против и 15% - затруднились ответить на этот вопрос (N=1600 человек). Через год, в феврале 2003 года мнения о том, что нужно сделать для того, чтобы улучшить ситуацию в армии, распределились таким образом: 39% полагали, что нужно оставить нынешнюю численность армии и увеличить затраты из бюджета на ее содержание; 24% - сократить численность армии, но затраты на ее содержание увеличить; остальные полагали оптимальным решением либо сокращение численности ВС (при том же бюджетном финансировании – 17%), либо сокращение и численности, и финансирования (9%).

Как полагают опрошенные, плоха не сама модель армии, а нынешние условия ее реализации. Среди различных больных вопросов армии большая часть (43%) назвала социальные проблемы: низкие зарплаты, отсутствие жилья для офицеров, плохие бытовые условия и питание солдат, 20% – низкий уровень боеготовности, лишь 35% - бессмысленность и опасность самой службы в армии для нынешних солдат-призывников (подневольность службы, война в Чечне, неуставные отношения, призыв в армию студентов).

Неудача военной реформы означает отсутствие у новой, «демократической» России собственной военной доктрины. Любые попытки пересмотра роли военных будут наталкиваться на яростное и агрессивное сопротивление. Генералитет всякий раз будет предлагать лишь перелицованные варианты советской концепции вооруженных сил, оставшейся от холодной войны. Другими словами, за реформой армии стоит не только проблема трансформации и модернизации вооруженных сил, но и судьба всего тоталитарного порядка, сохранения структур мобилизационно-репрессивного общества. Отсутствие принципиальных политических решений означает, что будет продолжаться связь армии с властными структурами, контроль высшим командованием и министерством обороны над политическим руководством страны, то неизбежно будет усиливать процессы разложения армии, не имеющей реальных, собственно военных функций и задач, утрату ею морального воинского духа и дисциплины. Именно это ярко демонстрирует ситуация в Чечне, превратившая регулярные части в банды мародеров, вымогателей и насильников.⁴⁶

⁴⁶ Вся история с полковником Ю.Будановым, командиром танковой элитной части, Героем России, изнасиловавшим и убившем чеченскую девушку в селе, где располагался его полк, воспринимается и официальным обвинением, и общественным мнением в России именно как типовой случай. Но именно поэтому реакции на это и военных, и самого общества, всячески пытающихся оправдать его, невзирая на очевидность факта преступления и признание самого обвиняемого, показывает, насколько сильно сопротивление в обществе любым попыткам рационализировать роль армии и изменить ее.

Российская армия как военная машина в настоящее время представляет собой распадающееся⁴⁷, деморализованное и дезориентированное целое, остатки прежде мощной, привилегированной и замкнутой корпорации, сплоченной сознанием своей исключительности, необходимости и авторитетности в обществе, подкрепленной социальными и материальными благами, интегрированной ясным образом «врага» и образцовостью своей организации. Обремененная пережитками идеологии «великой державы», имперскими традициями, сегодняшняя армия не в состоянии преодолеть институциональную инерцию времен «холодной войны». Огромное количество устаревшего вооружения, предназначенного для военных действий по схемам, основанным главным образом на опыте Второй мировой войны, стратегическое ракетно-ядерное оружие, бывшее главным аргументом в противостоянии западного и коммунистического мира, но теперь совершенно ненужное, военно-морские флоты, ставшие абсолютно недееспособными в нынешних условиях, дальняя авиация и т.п., оказывают чрезвычайно угнетающее воздействие на современное развитие России.⁴⁸

Армия как образец закрытой, архаической социальной организации (бюрократии массового монополизированного насилия) может решать только оперативные, текущие задачи. В стратегическом плане она всегда проигрывает и консервирует систему социальных отношений. Российско-советская армия не смогла перейти порог информационных технологий, ибо потеряла приоритеты самой социальной системы. (Лучше всего об этом свидетельствует отталкивание от нее молодежи и сохранение ее привлекательности для пожилых: все опросы показывают явное нежелание молодежи служить в армии⁴⁹). Но именно поэтому оказывается нереалистической и периодически всплывающая в катастрофических видениях журналистов перспектива военного переворота или

⁴⁷ Только за одну неделю, как сообщала пресса в конце июля-начале августа 2003 г., произошло несколько ЧП в армии – солдат срочной службы расстрелял двух офицеров, в нескольких регионах горели склады боеприпасов, в Хабаровском крае с территории военной базы «укатился и сошел с рельс» состав с боеприпасами, под Москвой горели танковые ангары элитной Кантемировской дивизии, разбился военный самолет и т.п. Общественное мнение об этих событиях высказывается вполне определенно. 42% считают, что это результат халатного отношения к хранению военного имущества; 31% – попытки скрыть хищения военного имущества со складов; 16% – видят в этом следствие старения боеприпасов и отсутствия соответствующей их замены и лишь 5% – трагическую случайность. О ситуации в российской армии см. недавний доклад международной организации «Human Rights Watch» - «Большая армия. Проблемы питания и охраны здоровья в российских вооруженных силах» на сайте организации: “Human Rights Watch //Defending Human Rights Worldwide\Россия.htm” от 27/11/2003, с.1-33.

⁴⁸ Ярким примером всего этого может служить российский Черноморский военно-морской флот, оказавшийся несколько лет назад предметом ожесточенных словесных столкновений с Украиной, претендовавшей на значительную часть его кораблей береговых сооружений: ни у той, ни у другой страны нет средств для содержания этой массы ржавеющего смертоносного хлама. По точному выражению, этот флот, не выходящий из портов своей дислокации, как «чемодан без ручки» – и тащить тяжело, и бросить жалко. Наилучшим выходом, конечно, было бы утопить его в безжизненных сероводородных глубинах Черного моря, сэкономив тем самым массу денег и людских сил, ибо даже на утилизацию старых кораблей у страны уже нет средств, но положение «великой державы» обязывает к подобным расходам. Noblesse oblige.

⁴⁹ См.: Общественное мнение –2002.Ежегодник ВЦИОМ. М.,2002, раздел «Армия и общество». с.119-125; Общественное мнение. 2007.Ежегодник Левада-центра. М.,2007, раздел «Армия», с.87-89

установления военной диктатуры по образцу латиноамериканской хунты генералов или режима африканских ефрейторов. Попытка уподобить положение и функции российских военных роли и статусу военных в третьем мире едва ли продуктивна. Подобные аналогии не учитывают фазы или особенности модернизации в России.

В историческом и социальном плане это означает, что модернизация по военно-промышленному сценарию, на первый взгляд, обеспечивая резкий рывок вперед в развитии страны, достижение ею военно-стратегического равенства сил с ведущими державами, в длительной перспективе оборачивается полным ее поражением, убогой примитивизацией общественных структур, стойкой человеческой деградацией, истощением морального и интеллектуального потенциала страны.

Изменить это положение сегодня нельзя, как невозможно закончить и чеченскую войну. Признание бессмысленности, бесцельности нынешней российской армии (или даже хотя бы нынешней формы ее организации) означало бы крах легитимности всей социально-государственной системы. Поэтому единственным внешнеполитическим оправданием ее сохранения следует считать вполне цинический по своему характеру расчет российских политиков на инерцию страха перед дряхлеющей ядерной супердержавой у руководства или населения других стран (и в этом плане – на остатки национального самоуважения у российских граждан). Других оснований для того, чтобы считаться с Россией, сегодня уже не существует.⁵⁰ Этот момент чрезвычайно болезнен для униженного и закомплексованного самосознания российского общества, тяжело и долго переживавшего крах империи. И если у Северной Кореи попытки ядерного шантажа принимают карикатурно-страшные формы, то по отношению к России мир пока еще сохраняет известные прагматически оправданные опасения и давнее уважение перед ее силой.

*Опубликовано: Вестник общественного мнения, 2003, №1 (67), с.28-44;
№2 (68), с.35-51*

⁵⁰ По данным массовых опросов ВЦИОМ, 68% опрошенных считают, что Россия к настоящему времени утратила свой статус великой державы (май 2002 г.). «Вернуть статус супердержавы, какой был СССР» считали первоочередной задачей руководства РФ лишь 31% (июнь 2001 г.). Тем не менее, подавляющее большинство опрошенных считало необходимым заставить другие страны уважать Россию (этот аспект политики Путина население расценивает очень высоко, считая его главным позитивным достижением за время его президентства). Около половины россиян (46%, опрос 2001 г., N=1600) полагали, что мир не будет уважать нашу страну, если, достигнув высокого уровня благосостояния граждан, она перестанет быть могучей военной державой, чуть больше, 51%, были с ними не согласны.